

Лілія
Орланд

Гувернантка
ДЛЯ МОНСТРА

Лилия Орланд

Гувернантка для монстра

«Лилия Орланд»

2022

Орланд Л.

Гувернантка для монстра / Л. Орланд — «Лилия Орланд», 2022

Опекун пытался отдать меня гадкому лорду, но я не пожелала безропотно идти замуж. Мне удалось сбежать и спрятаться в маленьком городке, подальше от столицы. Я нашла работу гувернантки. Вот только и у моей подопечной, и у её отца слишком много тайн... В книге есть: – решительная героиня – грубоватый герой – столкновение характеров – и очень непростой ребёнок)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лилия Орланд

Гувернантка для монстра

Глава 1

– Согласны ли вы, лорд Брэмор, взять в жёны эту женщину?

Мощный голос жреца разнёсся под сводами. Акустика в храмах всегда поражала моё воображение. Но не в этот раз.

Сейчас мои нервы были напряжены до предела, а взгляд из-под фаты цепко высматривал малейшие прорехи в ограждении. То есть в гостях.

Центральный проход был для меня закрыт. У двери стояли два широкоплечих охранника, обтянутые тесными сюртуками. Мой опекун не доверял моему благоразумию.

К сожалению.

– Да, согласен, – голос лорда раздался совсем рядом.

И я вздрогнула. Обдумывая план побега, совсем забыла, что жених стоит по правую руку от меня. Очень неудачно стоит, загораживая боковой выход, неприметную маленькую дверцу, которая...

А кстати, для чего она нужна?

Ни разу не видела, чтобы боковой дверцей кто-то пользовался. Хотя она и была в каждом храме. А может как раз для такой ситуации? Когда невесте позарез нужно сбежать с венчания.

У меня оставалось очень мало времени, а решения всё не было.

– Согласны ли вы, леди Веспер, взять в мужа этого мужчину?

А теперь времени совсем не осталось.

Судорожный вдох. Удар сердца, ещё один, и я понимаю, что выхода нет. Напрасно я тешила себя иллюзией, когда убеждала, что нужно только выбраться из дома. Что уж в храме-то или по дороге к нему у меня будет полно возможностей сбежать.

Опекун и жених позаботились, чтобы у меня не появилось ни одной.

– Леди Веспер? – переспросил жрец, и я поняла, что дальше тянуть уже невозможно.

У меня нет выхода.

Всё это было предопределено.

Мне остаётся только смириться и принять неизбежное.

Ещё один вдох, как прощание с жизнью, и ответ, который так не хочется произносить:

– Д-д...а...

Такое короткое слово, но я не успела его закончить. Слева от меня что-то загремело, падая на пол, и это привело меня в чувство. Я повернула голову.

Служка уронил ритуальную чашу, в которой мы с будущим супругом должны будем омыть свои руки в знак чистоты наших помыслов. Ритуальная чаша оказалась медным тазом, который, ударившись о каменные плиты храма, зазвенел почище колокола.

Но это всё было неважно, потому что служка, который должен был выйти из магической завесы, запнувшись, открыл моему жадному взгляду... ещё одну дверь. Он просто не успел её закрыть, а после стало уже не до того, и образовавшаяся на долгое время брешь в завесе не позволила ей скрыть то, чему должно было оставаться скрытым.

Решение пришло мгновенно.

А то, что произошло следом, не заняло и нескольких ударов сердца.

Я бросила букет в лицо жениха, и когда он, растерявшись, поймал цветы, толкнула в грудь, заставляя отшатнуться. Подхватила юбки и помчалась мимо служки, наклонившегося поднять чашу и теперь ошалело смотревшего мне вслед.

Я уже была перед дверью, когда под сводами раздался зычный голос:

– Держите её!

Ну уж нет, дудки, теперь вам не дамся.

Я даже не оглянулась, скорее скользнула в узкий проём и закрыла дверь за собой. С моей стороны проход оставался, но я надеялась, что преследователям понадобится время, чтобы открыть дверь из венчального зала.

Поэтому не стоило терять драгоценные секунды.

Я рванула вперёд, в какой-то узкий коридор, где едва могли бы разойтись два человека. А уж мои пышные юбки заполняли его полностью.

Храм изнутри оказался совсем не похож на свои парадные залы. Здесь стены покрывал обычный серый камень, никакого мрамора и позолоты. Навстречу мне никто не попадался, и я была благодарна богам за эту безлюдность. Если нет свидетелей, некому будет показать, в какую сторону я побежала.

Тем более коридор разветвлялся на целых три прохода.

Я выбрала левый, довершись скорее интуиции, нежели здравому смыслу. Хотя мне и показалось, что центральный и правый более... нахоженные, что ли, то есть обжитые. Но детали я уже не рассматривала.

Левый проход был узким. Моё платье шелестело по стенам, наверняка обтирая пыль и паутину. Но мне было всё равно. Не я выбирала венчальный наряд, как и самого жениха. А если бы могла выбирать, то лорд Брэмор никогда не стал моим суженым.

Впереди раздался голос, и я замерла, вжимаясь в стену. Если они пройдут сюда, я окажусь как на ладони, мне некуда спрятаться.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Я просила, неизвестно о чём и неизвестно кого. Мольба так и не оформилась во что-то конкретное. Но, похоже, меня услышали, потому что голоса исчезли так же внезапно, как и появились.

А я выдохнула, только сейчас осознав, что всё это время задерживала дыхание.

Коридор разветвлялся ещё несколько раз, и каждый я выбирала левый ход. Постепенно по обеим сторонам стали появляться помещения, явно служебные. В одном стояли какие-то ящики, в другом резко пахло копчёностями. У меня свело судорогой желудок, напоминая, что я ничего не ела с вечера. Но останавливаться не стала. Не хватало ещё из-за куска окорока попасться в руки опекуну или жениху.

Меня даже передёрнуло от подобной перспективы.

А потом в помещениях стали попадаться люди. Прачки, гладилицы, кажется, швеи. Только женщины. Они видели меня, но молча опускали глаза, возвращались к работе, словно не замечая, как будто позволяли сбежать.

Не знаю, скольким невестам до меня это удавалось, но я была благодарна этим безмолвным женщинам.

А потом по коже мазнуло свежим ветерком, и мне захотелось смеяться в голос – неужели у меня всё-таки получилось?

Дверь была приоткрыта, я лишь чуть толкнула её и оказалась на улице. Глубоко вдохнула прогретый за день воздух с лёгким запахом прелой листвы и остолбенела. Из-за угла храма вышел лорд жених, к счастью, так и не ставший моим мужем.

– Далеко ли собралась, дорогая жена? – похоже, Алфорд Брэмор не разделял мои взгляды на наше бракосочетание.

– Я вам не жена! – от злости сцепила кулаки.

– Разве? – Издевательски протянул он. – А я слышал, как ты ответила «да» там, в храме.

Отчаяние резкими толчками подступало к горлу. Он прав, кажется, я успела дать своё согласие.

Но неужели всё зря? Неужели мне придётся стать женой этого отвратительного жестокого мужчины? Делить с ним постель? Принимать его ласки, больше похожие на наказание?

Нет!

Только через мой труп!

– Спускайтесь, милая супруга, мы ещё не закончили, – Брэмор протянул мне ладонь, делая шаг вперёд.

И в этот же момент он чуть покачнулся, поскользнувшись на опавших листьях, ещё мокрых после недавнего дождя. И это всё решило.

Я сделала вид, что нехотя подчиняюсь и собираюсь идти к нему. А сама...

Как там учила наставница?

Собрать пальцы в фигуру, делая движение ими и одновременно запястьем, и сразу послать мысленный приказ.

Лорд Брэмор сделал ещё один шаг вперёд, а я двинулась ему навстречу и мощно толкнула, используя вес своего тела. Чуть сама не упала, но с удовлетворением заметила, как неудавшийся муж поехал на спине по ледяной дорожке, в которую я превратила мокрые листья.

И, не дожидаясь, пока он поднимется на ноги, бросилась прочь.

– Стой, глупая девчонка! Тебе всё равно от меня никуда не деться! – кричал он, пытаясь подняться на ноги.

«Это мы ещё посмотрим», – подумала я и припустила ещё быстрее.

Свернула за угол храма, пробежала небольшой сквер, скользнула в узкий переулок между двумя домами. Я петляла по улочкам, пока не увидела кэб. Не дожидаясь, пока пожилой кэбмен спустится, чтобы помочь, сама распахнула дверцу и забралась внутрь.

– На улицу Хризантем, – скомандовала опешившему от такой прыти вознице.

А сама прислонилась к стене, тяжело дыша. Всё же бегать в свадебном наряде – то ещё испытание.

Улицу Хризантем назвала наугад. Она была достаточно удалена от центра, чтобы выиграть немного времени. Я не была глупой девчонкой, как утверждал мой жених, и понимала, что кэбмена найдут и допросят. Разумеется, пожилой мужчина расскажет, где меня нашёл и куда отвёз.

Так что за краткие минуты пути мне нужно придумать план.

До появления в нашем особняке Алфорда Брэмора жизнь не казалась мне чем-то ужасным. По-своему я даже была счастлива.

* * *

Родителей почти не помню. Они погибли, когда я была совсем крохой. Говорили, на карету напали монстры и разорвали всех, кто там был. В детстве я верила в это и боялась чудовищ. А нянькам было удобно укладывать меня спать. Но сейчас понимала – монстров не существует. Скорее всего, родители погибли от рук разбойников.

Меня взяли к себе тётя и дядя – младший брат отца. У них не было своих детей, и тётушка заменила мне мать. Вот только тётя Эдна тоже умерла. Мне было десять, у меня открылся дар. И я даже пыталась лечить тётушку магией, отдавая ей свои силы. Но то ли сил не хватило, то ли умений... тёти Эдны не стало.

Дядя Уберт отправил меня в пансион для магически одарённых девочек. Все девять лет я не покидала стен этого учебного заведения и вернулась в столицу лишь три месяца назад.

Дядя Уберт внимательно меня оглядел, как товар, заставив смутиться, а потом велел показать, чему меня научили. Я засветила магический огонёк и зажгла свечи в гостиной, опередив прислугу. Дядя одобрительно хмыкнул и сообщил, что завтра приедет портниха, чтобы сшить мне новый гардероб.

И завертелось – балы, вечера, приёмы, балы...

Целый месяц я была дебютанткой, окунувшейся в новый, незнакомый мне прежде мир. Где носила роскошные наряды, вокруг меня вились галантные кавалеры, приносили напитки и приглашали танцевать.

Сопровождавший меня повсюду дядя сидел в углу и наблюдал. Иногда мне казалось, что он похож на паука, который сплёл паутину и теперь поджидает свою добычу. Вот только я и не представляла, насколько окажусь права.

Оказывается, все эти балы, все эти наряды служили единственной цели – выгодно продать меня. Выдать замуж, конечно же. Но суть от этого не меняется.

Дядя Уберт ждал самого богатого, самого родовитого, того, кто даст за меня больше остальных. И дождался... Алфорда Брэмора.

– Анна, спустись, у нас гость, – дядя не отправил служанку, сам заглянул в мою мастерскую, окинув критичным взглядом. И кажется, остался доволен.

Я тоже бросила взгляд в зеркало – ни одного пятнышка краски. Иногда увлѣкшись, я могла перепачкаться. Но не в этот раз.

Поправила волосы, разгладила складки на подоле и пошла вниз. Тогда я ещё не знала, что моя жизнь расколется на до и после.

Лорд Брэмор не понравился мне сразу. С первого поцелуя, когда он облизывал мою руку. И только привитые мне идеальные манеры помогли не скривиться от отвращения.

– Счастлив познакомиться с вами, Анна, – сказал мне тогда Алфорд.

И я ответила:

– Я тоже, лорд Брэмор.

Вот только это была неправда...

Он начал являться почти каждый день. Приносил цветы или конфеты. Приглашал меня в театр, на прогулку или сопровождал на пленер, чтобы любоваться, как я рисую.

Опекун поощрял эти ухаживания. И через неделю я не выдержала.

– Дядя Уберт, – я застала его утром, когда он оканчивал завтрак. – Нам нужно поговорить.

– Доброе утро, Анна, – ровным тоном произнёс дядя, откладывая газету в сторону.

– Так не может больше продолжаться! – стараясь сдержать эмоции, ровным тоном произнесла я. – Вы должны отказать лорду Брэмору от дома. Я не хочу, чтобы в свете его считали моим женихом.

– Вот как? – опекун нарочито удивлённо приподнял одну бровь, и я поняла, что он отнюдь не на моей стороне. – Ты уверена, что это я тебе что-то должен? Что это не ты должна быть благодарной за то, что я дал тебе? Что у тебя есть право голоса?!

С каждой фразой его голос становился всё выше. И в конце концов, он уже кричал на меня. Его лицо краснело, на шее и висках набухли вены. И я испугалась, что дядю сейчас хватит удар.

Но он вдруг резко замолчал. А когда продолжил, от его голоса веяло таким могильным холодом, что я обхватила плечи руками, стараясь согреться.

– Анна, лорд Брэмор вчера попросил у меня твоей руки, и я дал согласие. Свадьба состоится в середине осени. И это не обсуждается. Будь хорошей девочкой и подготовься к торжеству. Портниха прибудет на следующей неделе. Кроме свадебного платья, закажи новый гардероб, какой полагается замужней женщине... – он сделал паузу, оглядев меня сверху до низу, как будто оценивал стоимость будущего гардероба, а потом снова вернулся к газете.

Словно ничего и не было. Ни этой вспышки. Ни сообщения о скором замужестве.

Я стояла на месте, не в силах двинуться. Словно в меня ударила ледяная молния и заморозила, превратила в статую.

– Но, дядя Уберт... – несколько секунд спустя я всё же отмерла и попыталась отговорить опекуна от опрометчивого шага. До этого момента я была искренне убеждена, что он, несмотря на холодность, всё же любит меня и желает мне счастья. – Лорд Брэмор – отвратительный и жестокий человек. Я не хочу за него замуж...

– Анна, – после недавней вспышки гнева дядя был на удивление спокоен, – я не спрашивал о твоих желаниях. Как твоему опекуну, мне лучше известно, что тебе нужно. Поэтому иди, готовься к свадьбе.

У меня на глазах выступили слёзы, но усилием воли я не позволила себе разрыдаться. Только не на глазах у опекуна и слуг.

Я вернулась в свою комнату и все последующие месяцы до самой свадьбы думала только о том, как избежать навязанной мне судьбы и нежеланного замужества.

И вот этот миг настал...

* * *

Столица шумела и жила своей бурной жизнью. Я шла вдоль канала, почти прижимаясь к гранитной набережной. А мимо меня сновали экипажи. Конные и механические, появившиеся совсем недавно и значительно уступавшие лошадям в тяге.

Ещё во дворах я вывернула свою короткую отороченную мехом мантию наизнанку, чтобы свадебная белизна моего наряда так не бросалась в глаза.

Портниха долго сопротивлялась, но я сумела настоять на тёмно-серой подкладке. И теперь почти не выделялась из потока людей, спешивших по своим делам. Особенно, когда белоснежный подол платья заляпался осенней грязью.

Долго бродить по улицам было нельзя.

Кэбмена скоро найдут, и он покажет, где меня посадил. Нужно уйти как можно дальше от того места. А лучше – уехать.

Я прошла ещё немного вдоль канала, перешла по каменному мосту, украшенному бронзовыми статуями горгулий, нырнула в подворотню, минула её насквозь и оказалась посреди широкого проспекта.

В нескольких шагах от меня располагалась большая стоянка кэбменов. Я дошла до последнего в очереди, чтобы не привлекать внимание своей нетерпеливостью, которая свойственна только аристократам.

– На улицу Лотосов, – велела я шуплому старичку и закрыла за собой дверцу.

Возница причмокнул губами, и лошадка зацокала копытами по мостовой.

Улица Лотосов располагалась на другом конце города. Пока доберусь туда, должна придумать план. Теперь уже пора признаться: я не верила в возможность зайти так далеко и не придумала, что делать дальше.

Взгляд цеплялся за пробегавшие за окном здания, названия улиц, номера домов. А в уме я перебирала знакомых, которые могли бы хоть чем-то помочь мне.

Получалось, что практически все, кого я знала, были одобрены дядей Убертом и наверняка донесли ему, если бы я сейчас вдруг показалась на пороге дома и попросила о помощи.

У меня были деньги. Пачку бумажных ассигнаций – всё, что удалось скопить из выдаваемых мне карманных денег – я прикрепила булавками к чулку. Одна из них то и дело расстегивалась и принималась колотиться. Внутри кэба я могла оценить возможность оставить на одну булавку меньше и решила не рисковать. Лучше пусть колется, чем потеряю все деньги. И тогда побег будет обречён, когда мне уже оставалось не так много до свободы.

На улице Лотосов, так ничего и не придумав, я покинула кэб. Ни к чему привлекать внимание возницы бестолковым жонглированием адресов.

Может, найти какую-нибудь неприметную гостиницу и затаиться там на пару дней? Пока дядя с женихом не перестанут искать меня на улицах столицы.

Приняв решение, я почувствовала себя лучше. Теперь у меня был план действий. И я крутила головой по сторонам, в поисках подходящей гостиницы.

Порыв ветра взлохматил мою и без того пострадавшую от побега причёску, захлопал подолом свадебного платья. Я подхватила юбки, прижимая к ногам, пока редкие здесь прохожие не заметили чего лишнего.

А затем увидела листок.

Это был обыкновенный листок бумаги, на каких пишут объявления. А потом расклеивают на специальных досках. Он уже достаточно измялся и промок и вряд ли мог привлечь внимание своим содержимым, если бы в глаза мне не бросилась знакомая фраза:

«Агентство по найму мадам Л. Овсянки».

Точнее я знала только имя. Лилель Овсянка – так звали одну из учениц пансиона. Она училась на два года младше меня. Мы почти не общались. Но однажды я помогла ей избежать несправедливой мести одной из аристократок. Нет, я не собиралась напоминать Лилель о каком-то долге, потому что не считала, что она мне что-то должна. Ведь тогда я поступила по совести.

Но что если мне удастся найти работу где-нибудь подальше от столицы?

Это будет отличным решением вопроса – где спрятаться от дядюшки и жениха. Окрылённая новым планом действий, который мне нравился гораздо больше предыдущего, я прочитала адрес: улица Водяных лилий.

И направилась туда.

Глава 2

Агентство по найму явно переживало не лучшие дни – краска на вывеске выцвела, а само дерево перекошилось от дождей и солнца.

Я постояла у двери. Потом, глубоко вдохнув и набравшись решимости, воровато оглянулась и постучала. Не стоит стоять снаружи – кто-то может меня заметить.

Но ждать пришлось довольно долго, я даже постучалась ещё раз, прежде чем дверь резко распахнулась, и недовольный голос сварливо произнёс:

– Ну кто ещё там?

Я рассматривала мадам Овсянку и не узнавала. Лилея не кончила курса, потому что после смерти родителей ей пришлось покинуть пансион и взять управление делами в свои руки. Точнее долгами. Ходили слухи, что господин Овсянка разорился на каких-то махинациях с мехомобилями и покончил с собой. А его жена не вынесла позора и бедности и тоже умерла.

Я мало интересовалась сплетнями, поэтому помнила детали той истории довольно смутно. Но сейчас, глядя на Лилею и не узнавая её, подумала, что в них была высокая доля правды.

Овсянка выглядела старше меня, хотя ей должно исполниться лишь восемнадцать. У неё был нездоровый сероватый цвет лица и тёмные круги под глазами. Она была одета в старое шерстяное платье и застиранный поварской фартук.

Я успела лишь подумать, что, может, и зря пришла сюда, непонятно на что надеясь. Как вдруг лицо Лилеи просияло.

– Анна? Анна Веспер?! – воскликнула она удивлённо и бросилась меня обнимать.

Я чувствовала себя неловко и ждала момента, когда можно будет отстраниться и войти внутрь. Всё же меня разыскивали.

Но Лилея будто и не думала меня отпускать. Пришлось самой сделать шаг вперёд, заставляя её попятиться в дом.

– Как же я тебе рада, – произнесла она со слезами на глазах, когда наконец отстранилась.

– Я тоже рада тебя видеть, – не стала проявлять не деликатность и напоминать, что мы никогда не были настолько близкими подругами, чтобы обращаться друг к другу на «ты».

Всё же мне нужна была её помощь.

– Ой, что же я держу тебя в прихожей, – наконец опомнилась она, перестав меня рассматривать и пригласив пройти.

Я поднималась вслед за Овсянкой по скрипучей деревянной лестнице и рассматривала дом. Он явно помнил лучшие времена. Моё первое наблюдение, что дела идут не очень, подтверждалось и затёртыми обоями на стенах, и отсутствием ковра на ступенях, а главное тем, что мне открыла сама хозяйка, не послав кого-нибудь из слуг.

Похоже, слуги в этом доме отсутствовали.

Вряд ли здесь я найду помощь.

Лилея привела меня в такой же старый кабинет, который наверняка принадлежал ещё её отцу, и уселась за большой письменный стол с исцарапанной столешницей.

Мне она предложила стул напротив. Прежде чем сесть, я окинула сиденье внимательным взглядом. Платье, конечно, пришло в негодность, но мне не хотелось ещё и извалять его в пыли. Заметив это, Овсянка покраснела.

– Извини, Анна, мне пришлось рассчитать слуг. В данный момент это самая... приличная комната в доме. Его тоже придётся выставить на продажу, если я не выполню какой-нибудь заказ...

Лилея вновь стала той взрослой и серьёзной женщиной, что меня встретила.

Мне стало неловко, что я веду себя столь вызывающе.

– Это ты извини, – я стянула с ладоней перчатки, умирая от смущения и не зная, чем занять руки.

– А ты как здесь оказалась? – Овсянка наконец опомнилась и перешла к сути.

Я глубоко вдохнула и быстро произнесла:

– Мне нужна работа.

Потрясённое выражение её лица лучше всяких слов говорило, что такого поворота Лилея не ожидала. Я даже усмехнулась, до того забавно она выглядела.

Но опомнилась Лилея снова первой.

– Думаю, разговор нам предстоит небыстрый, поэтому предлагаю перекусить. Если тебя не смутит простота моего быта, конечно... – добавила она, краснея.

Я убедила мадам Овсянку, что в данный момент меня сложно чем-то смутить, и последовала за ней.

Лилея привела меня в кухню, которая, кстати, сверкала чистотой, хотя, как и остальная часть дома, выглядела старой и потрёпанной.

Длинный стол по центру был выскоблен до светлого дерева. Кастрюли и сковородки, развешанные на крючках, блестели. Печь белили давно, но на ней не было и следа копоти.

А на плите побулькивал чугунок, распространяя по кухне ароматы чечевичного супа.

– Садись, – предложила Овсянка.

Я сняла мантию, бросила её вместе с перчатками на скамью и осталась в свадебном платье от лучшей столичной портнихи. Впрочем, мой забег по улицам столицы почти уничтожил старания модисток. И я даже почувствовала мстительное удовлетворение, что если меня и поймают, то бракосочетание придётся отложить – ведь платье нужно шить заново.

За последние сутки я так проголодалась, что чечевичная похлёбка показалась мне творением шеф-повара лучшего столичного ресторана.

А может, и вкуснее.

И пусть в этом супе не было и следа мяса, я уплетала ложку за ложкой, почти забыв об изысканных манерах. Хозяйка дома поглядывала на меня с одобрением и не торопила. Но я уже твёрдо решила, что доверюсь ей. Поэтому, как только мы покончили с похлёбкой, и Овсянка заварила чай, я начала свой рассказ.

Я поведала Лилею всё без утайки и попросила о помощи. Мою историю Овсянка выслушала, не перебивая, потом долго молчала. Она хмуро крутила за ручку чайную пару, отчего блюдечко тоненько позвякивало. Но, кажется, Лилея этого вовсе не замечала.

Наконец она подняла на меня взгляд. Лицо бывшей соученицы выдавало сомнения и мучительное раздумье.

– Есть у меня один вариант... – произнесла она словно нехотя, – но я не знаю...

– Говори, – я подалась вперёд от нетерпения и была готова встряхнуть Овсянку, чтобы она перестала тянуть кота за усы.

– Пришла мне заявка на гувернантку для девочки из Греноя, – Лилея усмехнулась, глядя на моё нахмуренное лицо, а я пыталась сообразить, что за Греной, и не могла.

И тут меня осенило – если я никогда не слышала об этом месте, то и опекуну с женихом оно вряд ли известно. А значит, и найти меня там будет сложно.

– Только странная эта заявка... – попыталась меня образумить Овсянка, – там сказано, что соискательница должна обладать силой духа, умением мыслить нешаблонно и не верить в суеверия, а ещё...

– Это как раз про меня! – уверенно произнесла я, не давая Лилею возможности возразить. – Пиши в Греной, что гувернантка скоро будет.

Овсянка всерьёз взялась за мою подготовку к поездке. Мы срезали драгоценные камни, которым было украшено платье. И Лилея отнесла их вместе с горностаевой накидкой знако-

мому скупщику. Заплатил он много меньше, зато это гарантировало нам конфиденциальность. А возможность не быть пойманной до отъезда в провинцию стояла для меня превыше всего.

Я поселилась в доме Лилеи и почти не выходила на улицу, предоставив ей полную свободу действий. Овсянка подобрала для меня скромный гардероб, подходящий гувернантке. А также необходимые книги и учебники. Всё было поношенным, но выглядело весьма достойно.

Легенду она тоже придумала мне отличную – не подкопаешься.

Я стояла перед зеркалом и репетировала:

– Родом я из Ельсбурга, это на той стороне перевала. Из семьи небогатых дворян. Мои родители и все родные давно умерли. Я окончила курс гувернанток в небольшом пансионе и решила попробовать счастья в столице. К сожалению, мне не удалось найти там работу, но в агентстве по найму мадам Овсянки была ваша заявка. И я поняла, что это именно то, что мне нужно...

– Милорд, – перебила меня Лилея, – не забывай произносить «милорд». Лучше после каждого предложения. Они это любят. И ещё не смотри им в глаза. Прямой взгляд могут себе позволить аристократки, а ты скромная учительница.

– Спасибо, Лилея, – за эти несколько дней я поняла, как повезло, что мне встретилось то объявление. – Что бы я без тебя делала...

– Агентству мадам Овсянки тоже повезло, – подмигнула она. – Я хорошо заработаю на этом заказе и сохраняю дом. – И мечтательно добавила: – Может, даже горничную найму...

– Всё хотела спросить, а почему мадам Овсянка? Ты же не замужем... – я замолчала, осознав бестактность своих слов – что если Лилея вдова?

– А-а, – легко отмахнулась Лилея, и я выдохнула, – это для солидности. Госпожа не стала бы заниматься этим делом. К мадемуазель мало доверия. А вот мадам – в самый раз.

Она легко улыбнулась. И я подумала, что действительно – наша встреча была счастливым случаем для обеих.

Перед отъездом оставила Лилею половину из денег, что были у меня с собой. Овсянка пыталась отнекиваться, но я не стала слушать.

– Без тебя я бы пропала, – сунула ей в руки мешочек. – Тебе нужны эти деньги. А у меня теперь есть работа и убежище. Пусть у нас обеих всё будет хорошо.

– Пусть всё будет хорошо, – эхом повторила Лилея и крепко меня обняла.

А ровно через два дня она провожала меня на экспресс.

Чтобы не привлекать лишнее внимание к гувернантке, путешествующей первым классом, мы решили купить билет во второй. Точнее Овсянка сначала пыталась сэкономить на третьем, но тут уж я воспротивилась. Почти сутки сидеть на жёсткой деревянной скамейке бок о бок ещё с двумя женщинами – ну уж увольте, это вряд ли мне по силам.

Пусть второй класс был дороже, но там, по крайней мере, у меня было отдельное сиденье и возможность встать и пройтись, не боясь, что моё место тут же займут и придётся бродить по вагонам в поисках свободного кусочка скамейки.

– Ну ладно, – согласилась Овсянка после долгих споров, – пусть ты и бедная, но дворянка. Вы любите комфорт и готовы за него отдать последние деньги.

Про себя я подумала, что Лилея очень точно охарактеризовала моё отношение к деньгам и комфорту.

Поезд отходил поздним вечером.

Столичный экспресс поражал воображение. Вереница красных вагонов с небольшими окошками терялась во тьме за краем платформы. Перрон был полон отъезжавших и провожающих. Овсянка помогла нести тяжёлый саквояж, в котором лежал мой новый гардероб, а я тащила сумку с книгами.

Начало состава было отведено для пассажиров первого класса. Здесь царил порядок. Вещи таскали носильщики, а пассажиры и провожающие мирно беседовали у своих вагонов.

В середине ехал второй класс. Тут было шумно. Меня иногда толкали, но тут же извинялись. В общем-то, мы с Овсянкой почти без труда сумели найти мой вагон и отдали билет служащему в красивой красной с серым форме.

В конце поезда царил толчея. Пассажиры толкали друг друга, возмущённо кричали. До меня донеслось несколько оскорблений.

Я передёрнулась. Правильно, что настояла на втором классе. Здесь мне будет спокойнее.

Лилея пожелала мне удачи, ещё раз обняла на прощание и попросила написать, как только устроюсь на новом месте. Видно было, что ей не хочется со мной расставаться.

Да и я за эти несколько дней прикипела душой к мадам Овсянке – милой, доброй и отзывчивой девушке. Забравшись в вагон, я оглянулась и мысленно пожелала, чтобы Лилея нашла своё счастье.

А потом шагнула внутрь.

Своё место я нашла быстро и порадовалась, что располагалось оно у окна. Буду смотреть на пролетающие мимо леса и деревушки.

На столичном экспрессе я ездила один раз, когда возвращалась из пансиона к опекуну. Дядя не любил «новомодную технику», как он называл изобретения механиков, и предпочитал упряжных лошадей.

В прошлый раз я ехала в первом классе. У меня было своё купе с горничной, которая приносила мне обед и исполняла любые прихоти.

Но я не тосковала по тем дням. И окинула скромный вагон второго класса без брезгливости. Ну и пусть деревянные стены без шёлковой обивки. А кресла хоть и проложены в несколько слоёв мягкой тканью, но к концу пути тело всё равно занемееет от жёсткого сиденья и однообразной позы.

Зато я была свободна и сама решала свою судьбу.

Уложив саквояж и сумку в багажный отсек, заняла своё кресло. С удовлетворением отметила, что экспресс выпустил пар и тронулся с места.

Прощай, столица.

Здравствуй, новая жизнь.

Глава 3

Мои предположения оказались верными – через несколько часов тело занемело. И сколько бы я ни ворочалась, пытаясь устроиться поудобнее, ничего не выходило. Пришлось крепко зажать свой ридикуль под мышкой и отправиться на прогулку по вагону. Волноваться за оставленные в багажном отсеке вещи у меня уже не было сил. Поэтому я бросила внимательный взгляд на пассажиров, шепнула соседке – возрастной матроне – что скоро вернусь и пошла по проходу.

Овсянка проявила чудеса изобретательности и зашила мою часть вырученной за драгоценности наличности в одежду, разместив потайные карманы по всему платью. И даже умудрившись разместить два в пальто – как раз под мышками. Каждый раз, когда я прижимала руки к телу, чувствовала упругие шелестящие бумагой пачки купюр.

По сравнению с моим прежним содержанием это были сущие крохи, но простой гувернантке должно было хватить на несколько месяцев. А то и на пару лет, при должной экономии и при наличии жалования, на которое я рассчитывала.

Некоторое время я побродила по соседним вагонам того же второго класса, помёрзла в тамбуре, а потом вернулась на своё место. Нужно попытаться вздремнуть. Всё же ехать ещё долго.

К утру я чувствовала себя окончательно разбитой. Наверное, так поднимается с постели столетняя старуха, у которой каждая косточка и суставчик напоминают о прожитых годах.

Я постаралась выпрямиться на неудобном сиденье и не застонать, что удалось с трудом. Поскорей бы приехать. Это пыточное кресло я запомню до конца жизни. Боюсь даже представить, что творится в вагонах третьего класса.

Чтобы отвлечься, я достала из ридикуля приготовленный Овсянкой свёрток с вареными яйцами и полосками нежнейшей ветчины, переложенными ломтиками ржаного хлеба.

После недолгого обсуждения мы с Лилеей решили, что белый хлеб больше подходит аристократам и может вызвать ненужные подозрения.

– Откуда у простой гувернантки деньги, чтобы так хорошо питаться? – произнесла Овсянка с народным говорком.

Сначала я рассмеялась, так уморительно у неё это получилось, а потом возразила:

– То есть откуда у простой гувернантки лучшая столичная ветчина, вопросов не возникает?

– Не возникнет, – Лилея вскинула подбородок, – если ты не будешь угощать кого попало, никто и не догадается, сколько она стоит. Ветчина и ветчина. А вот хлеб бросается в глаза сразу.

Я не стала спорить, всё же Лилея была опытнее меня в деле выживания. Я до недавнего времени была избалованной аристократкой и о простой жизни имела весьма смутное представление. Причём большинство сведений было почерпнуто из любовных романов, где благородный лорд спасал простую девушку из беды, проникался чувствами и забирал в свой замок законной супругой.

Впрочем, в эти истории не очень-то верилось. Ведь в жизни я ни разу не встречала, чтобы аристократ женился на простолюдинке. Даже учитывая, что я много лет прожила в закрытом пансионе, такое событие не могло туда не дойти, ведь его обсуждали бы все слои общества.

Я почистила яйцо и надкусила. Поймала голодный взгляд мальчишки лет десяти. От этого взгляда я закашлялась и, забыв все наставления Овсянки о конспирации, поманила мальчишку к себе. Он удивлённо смотрел лишь пару секунд, явно размышляя про себя и оценивая степень риска, а потом решительно зашагал ко мне.

Женщина, сидевшая рядом с ним, протянула руку, желая ухватить за воротник слишком тонкой для поздней осени куртки, но не успела. Мальчишка уже был рядом со мной.

– Вот держи, – я протянула ему два бутерброда, – и маму угости.

Он схватил еду, тут же откусив изрядный кусок. Женщина смотрела смущённо, но не двинулась с места и приняла один из бутербродов, протянутый мальчиком. После первого же укуса её брови удивлённо вздёрнулись, и я с досадой вспомнила предупреждения Лилеи. Но тут же отмахнулась от мрачных мыслей.

Ведь глупо же думать, что из-за куска ветчины меня могут опознать?

Я отвернулась к окну и принялась рассматривать пробегающие пейзажи. За ночь мы отъехали довольно далеко от столицы. И природа здесь отличалась от привычной мне. Я уже давно не видела столько деревьев в одном месте, если не считать королевский парк.

Вокруг столицы уже давно вырубili леса, ведь нужно было чем-то топить печи. Позволить себе магические отопительные артефакты могла только аристократия, а простые люди топили по старинке – дровами. Но и те год от года дорожали. И жителям столицы приходилось много работать, чтобы зимой возвращаться в тёплый дом.

Здесь же вдоль железной дороги на многие-многие мили тянулся лес. Хвойные и лиственные деревья, перемешанные между собой, создавали неповторимый пейзаж.

На могучих дубах и трепещущих осинках ещё висели листья, жёлто-рыжие, а кое-где даже побуревшие от первых не слишком сильных морозов. Берёзы и клёны стояли голые, с протянутыми к небесам тонкими ветками. А вот хвойные радовали глаз тёмной зеленью.

Как же здесь красиво!

Одетая в камень столица и в подмётки не годилась этому яркому краю. Уверена, что весной, когда всё зазеленеет и зацветёт, здесь станет ещё красивее.

Только бы суметь найти общий язык со своей подопечной и её родителями, только бы продержаться на этой работе. От прелестей природы я перешла к мыслям менее радостным, но более насущным. Повторила про себя выдуманную Овсянкой легенду. Лучше бы, конечно, продумать разные мелочи, чтобы не забыть и не попасться на противоречиях.

Но поезд уже подходил к небольшому городку, и моему взгляду предстала приветливая надпись, выложенная на широкой деревянной стене тонкими обожжёнными дощечками:

«Добро пожаловать в Греной».

Стоило выйти из поезда, и меня затопила какофония звуков. Перрон был полон встречающими и прибывшими, люди двигались, кричали, обнимались и создавали такую толкучку, что протиснуться к зданию вокзала оказалось весьма непросто.

Неразборчивый женский голос что-то говорил в магически усиленный рупор. Информация была предназначена для прибывших в Греной, вот только я так и не сумела разобрать слов.

Хотя и прослушала трижды.

В толкучке найти носильщика оказалось невозможным, и я сама поволокла свой багаж. Сумка билась по измятому подолу дорожного платья, а саквояж то и дело норовил оттоптать мне сапожки.

И пару раз всё-таки оттоптал, зараза.

Наконец я выбралась из толчеи и ввалилась в здание вокзала. Но надежда немного побыть в тишине оказалась напрасной – здесь тоже кричали, толкались и наступали мне на ноги, забывая извиняться.

Уставшая за эти несколько минут больше, чем за предыдущие сутки пути, раскрасневшаяся и взлохмаченная, я наконец выбралась на улицу. И здесь вздохнула немного свободнее.

Покрутив головой по сторонам, заметила стоянку кэбов и направилась к ней.

Греной пока не поражал моё воображение.

Здание вокзала, оставшееся, к счастью, позади, было в два раза меньше столичного, но один в один повторяло архитектуру вплоть до фигурных решёток на окнах и больших круглых часов, только что пробивших полдень.

Передо мной развернулась площадь с неровной брусчаткой, заставившей порадоваться, что мои сапоги не имеют каблучков. В центре площади ворковала стая голубей, что-то выискивая в щелях, а по периметру – росли стриженные шарами липы с жёлтой, кое-где облетевшей листвой. Редкие скамейки были заполнены горожанами. А прохожие то и дело останавливались, приподнимали шляпы и перебрасывались друг с другом несколькими словами.

Одним словом – маленький городок, где все знают всё обо всех.

Я улыбнулась придуманному каламбуру и поставила саквояж и сумку перед единственным на стоянке кэбом. На удивление молодой возница (может, на пару лет старше меня) легко спрыгнул с козел и подхватил мою поклажу, чтобы закрепить в отсеке для багажа.

Кэбмен не вызывал у меня доверия. Я предпочла бы ехать с кем-то более пожилым и опытным. Но, подумав, испугалась, что это единственный кэб в городке. И если промедлю, рискую и вовсе искать гостиницу своим ходом.

Поэтому я не стала требовать замены и на вежливый вопрос:

– Куда вам, мисс? – ответила: – В гостиницу. – И спохватившись, добавила: – Приличную, пожалуйста.

– Конечно, мисс, – сверкнул зубами кэбмен, выдвигая небольшую лесенку, чтобы мне было удобнее забираться внутрь кэба.

Я опустилась на деревянное сиденье. И тело (точнее одна, уставшая за сутки пути, часть меня) отозвалось протяжным стоном. Мне нужно срочно отдохнуть, желательно лёжа и на чём-то мягком.

Я решила потратить несколько монет на гостиницу, чтобы привести себя в приличный вид и уже тогда отправляться к своему будущему нанимателю мистеру Милфорду. Всё же встречают по одежке, а моя сейчас находилась в крайне плачевном состоянии.

К тому же я надеялась узнать немного о семье Милфордов. Хозяева гостиниц обычно много слышат, а потому они – лучшие источники информации. Этому меня научила Овсянка и снабдила подробными инструкциями, что и как спрашивать.

Во-первых, нужно разузнать о характере миссис Милфорд. Всё же именно хозяйка дома задаёт там атмосферу. Я должна знать, к чему готовиться.

Также следует расспросить о прислуге, а может, и познакомиться с кем-то из них. Слуги многое слышат и замечают, когда господа о них совсем не думают.

Гостиница мне понравилась. Небольшая, в два этажа, выкрашенная в легкомысленный розовый цвет. И название подходящее – «Приют для феи».

То, что надо.

– Спасибо, – я дождалась, когда кэбмен занесёт мои вещи внутрь, и вложила монетку в его ладонь.

Наглый мальчишка мне подмигнул и усмехнулся, прежде чем выйти на улицу. А я недовольно поджала губы – вот же нахал.

– Здравствуйте, рада вас приветствовать в «Приюте для феи». Вам точно у нас понравится, – ко мне спешила полная румяная женщина с ласковой улыбкой и распахнутыми руками. Словно бы для объятий.

Я сделала шаг назад, испугавшись, что она и вправду вздумает обниматься. Кто их знает, этих провинциалов, какие у них тут правила хорошего тона.

– Здравствуйте, – я выставила перед собой ридикюль и растянула губы в приветливой улыбке. – Мне нужна комната на полдня.

– Конечно-конечно, сколько угодно, – обрадовалась женщина.

Я повела головой по сторонам и поняла причину такой радости – кроме меня, в гостинице не было постояльцев.

Возможно, не последнюю роль в этом сыграл вырвиглазный ярко-розовый цвет, который явно был самым любимым у хозяйки. И она не жалела розовой краски при покраске стен, и пола, и потолка, и даже деревянных перекрытий. К тому же розовыми здесь были скатерти на столиках, ковёр на лестнице, перила на ней. Ну и сама хозяйка.

– Розетта, – представилась она, всё-таки умудрившись меня обнять вместе с ридикюлем. Благо её габариты это позволяли.

– Мисс Анна... Крунс, – я сделала еле заметную паузу. Прежде чем произнести девичью фамилию моей матери.

Мы с Овсянкой решили, что лучше не светить моим настоящим именем. По крайней мере, пока мне не исполнится двадцать, и я не смогу наконец выйти из-под опеки дяди Уберта и самостоятельно принимать решения о своей судьбе.

– Дорогая Анна, – Розетта решительно и сразу перешла на панибратские отношения, – пойдёмте, я покажу вам комнату. Уверена, она вам понравится, и вы решите остаться подольше.

– Благодарю, – я вежливо наклонила голову и позволила хозяйке подхватить мой сак-воаж, а сама потащила наверх сумку.

Похоже, прислуги в «Приюте для феей» не водилось наряду с постояльцами.

Комната мне неожиданно понравилась. Здесь преобладали светлые нежные оттенки. Конечно, с яркими розовыми пятнами.

Куда уж без них.

Комната была просторной и светлой. С мягкой кроватью, большим платяным шкафом и дверью на маленький балкончик, выходящий в ухоженный сад. Недостатки тоже были – удобства здесь сильно отличались от столичных. Я осмотрела медный таз с кувшином воды и белый фаянсовый горшок, стыдливо прикрытый крышечкой.

Но я здесь всего на несколько часов. Мне главное – привести себя в порядок и заручиться информацией.

Чем я и занялась.

– Мадам Розетта, – решила сразу быть откровенной и тем самым расположить хозяйку к себе, – я гувернантка. Приехала в семью Милфордов и хотела бы немного разузнать об этих людях.

– Гувернантка? – переспросила Розетта, меняясь в лице. – Вы приехали к девочке Милфорда?

– Да, – я немного расстроилась, что гостеприимная и такая радушная на первый взгляд женщина оказалась подвержена классовым предрассудкам. А ведь сама хозяйка гостиницы.

Но Розетта тут же развеяла мои сомнения. Оказалось, всё обстояло гораздо хуже. И предрассудки были совсем иного толка.

– Найджел Милфорд – колдун, – пояснила она, – он продал душу демонам за способность к чёрной магии. Иногда по ночам от их поместья раздаются такой душераздирающий вой, что сразу понятно – там приносят жертвы для мерзких ритуалов.

– И что, в Греное часто пропадают люди? – испугалась я.

– Какие люди? Почему пропадают? – Розетта немного сбилась с пафосного тона, с которым передавала мне городские сплетни.

– Которых приносят в жертву, – с милой улыбкой пояснила я, по её удивлению уже понимая, что Милфорды стали жертвой досужих сплетен.

– Нет, люди не пропадают...

– Тогда может быть, коровы? Или овцы? – всё больше воодушевляясь, перечисляла я возможных жертв несуществующей чёрной магии. – Кто там ещё – кошки?

– Зачем вы так? – обиделась мадам Розетта. – Никто у нас не пропадает. Греной – очень тихий спокойный городок.

– Тогда почему вы решили, что в поместье Милфордов приносят жертвы?

– Ну может и не приносят... – пошла на попятный Розетта. Немного замялась, подбирая аргументы, а потом с торжеством добавила: – Но кто-то же там воет! Значит, что-то точно нечисто.

Я недоверчиво хмыкнула.

В пансионе много внимания уделяли теории и истории магии. Нам рассказывали, как невежественные люди всё непонятное им причисляли к чёрному колдовству. Что они имели в виду и почему именно «черное», а не красное, например, (или коричнево-серое – тоже так себе цвет) противники магии объяснить не могли.

Но история знала страшные примеры, когда испуганные и взбешённые этим крестьяне сжигали целые семьи, искореняя таким образом собственный страх.

Нам, магам, доступно больше, чем простым людям. Но я всё равно не понимала, почему за пределами столицы к нам относятся настороженно. Ведь даже слабый маг способен вытащить упавшего в колодец ребёнка или притянуть тучи во время засухи.

Правда, мы отдавали за это собственные силы, и иногда сверх меры израсходованный запас приходилось пополнять по несколько недель. А иногда силы черпались из запаса жизненной энергии, и тогда за магию приходилось расплачиваться годами собственной жизни.

Поэтому я старалась использовать свой дар экономно. Никогда не знаешь, что ждёт тебя впереди.

Но ничего этого объяснять мадам Розетте, как доказывать её неправоту, я не собиралась. Бесполезно.

Овсянка предупреждала меня не распространяться о собственном даре. И сейчас я понимала её правоту.

Если в Греное пустили корни предрассудки, я их всё равно не искореню. Нужно просто не обращать внимания на болтовню невежественных горожан. А уж с тем, кто воет по ночам в поместье Милфордов, я разберусь.

Может, они собаку по ночам к забору привязывают. Вот животное и расстраивается, как умеет.

Мне нужно где-то дожидаться двадцатилетия. И спокойный Греной с каждой минутой казался мне всё более подходящим для этого.

И никакие чёрные колдуны моего мнения не изменят. Сначала пусть докажут, что они существуют.

Через полчаса я спустилась к обеду. И выяснила, что у мадам Розетты всё же есть другие постояльцы.

И вообще, у неё была не гостиница, а, скорее, пансионат, где проживали на постоянной основе те, у кого не было собственного дома. Мадам предоставляла желающим комнаты, завтраки и обеды, а также услуги прачечной.

К обеду подошли два джентльмена в возрасте дяди Уберта. Оба были грузные, затянутые в тесные сюртуки. Но у одного были свисающие усы, а у другого – борода.

Кроме них, к обеду спустилась приятная пожилая пара. Благообразный старичок и маленькая старушка с ярко-розовыми кудряшками. Старушка очень вписывалась в интерьер, и по отношению Розетты я поняла, что это её любимая постоялица.

Прислуга в гостинице, оказывается, тоже была. Кухарка и горничная, которая также разносила еду за столом.

Меня посадили к пожилой паре. Мы сразу познакомились. Мсье и мадам Монс прожили в Греное всю жизнь. Спрашивать, почему же они не живут в собственном доме, было бестактно, но меня просветили и без вопроса:

– Наш сын женился, и мы решили не мешать молодым, – сообщил мсье Монс.

– Две хозяйки в одном доме – к ссоре, – добавила его жена с мягкой улыбкой.

Старички оказались словоохотливы и поведали мне все перипетии своей жизни. Я слушала, отдавая должное талантам кухарки. А оные таланты оказались весьма и весьма, особенно, после суток пути и перекусов бутербродами.

А когда в беседе возникла пауза, задала волнующий меня вопрос:

– Расскажите о поместье Милфордов? Что там проводятся за страшные ритуалы? И кто воет по ночам?

Мсье Монс закашлялся, и супруга постучала его по спине.

– Милочка, – спросила пожилая дама, отвлекшись от поедания супа, – зачем вы спрашиваете о колдуне? Это не та тема, которая способствует хорошему пищеварению.

И тут же продолжила есть.

Я хмыкнула, кажется, этой старушке мало что может испортить аппетит.

А вот мсье Монс, откашлявшись, не спешил продолжать трапезу. Он неторопливо пил воду и даже отмахнулся от Розетты, подошедшей спросить, всё ли в порядке. Хозяйка обиделась и вернулась к столу джентльменов.

– Вот что я вам скажу, дорогуша, – мсье Монс наконец пришёл в себя. – Бетти права: в нашем городе Найджел Милфорд не та тема, которую будут обсуждать добропорядочные граждане. Не знаю, колдун он или нет, но грубиян ещё какой. В позапрошлом месяце я увидел его на улице, вежливо приподнял шляпу и поздоровался. «Доброе утро, мсье Милфорд», – сказал я. А он, знаете что мне ответил?

– Что? – произнесли мы в унисон с мадам Монс.

– Ничего! – мсье Монс нравоучительно поднял вверх указательный палец. – Настоящий грубиян, истинно вам говорю.

Я загипнотизированно смотрела на указующий перст, пока не сморгнула и не вернулась к своему супу, осознавая, что кроме сплетен ничего здесь не услышу.

Лучше отправиться в поместье самой и всё узнать на месте. На этом я прекратила расспросы и отдала должное обеду из трёх блюд с заварными пирожными на десерт.

После обильной еды неумолимо потянуло в сон. Я решила прикорнуть с полчаса, а потом ехать к Милфордам. Сняла уже надоевший корсет, с удовольствием вдохнула полной грудью и вспомнила добрым словом Овсянку, которая предложила мне это чудо техники.

Этот усовершенствованный корсет завязывался спереди. И при помощи системы крючков и застёжек, можно было самостоятельно его затянуть. Ведь в моей ситуации рассчитывать на помощь горничной не приходилось, а выйти на улицу без корсета... Ни одна уважающая себя и свою репутацию девушка на подобное бы не решилась.

Я растянулась на кровати и тут же уснула, велев себе проснуться ровно через полчаса. Ну самое позднее – через час.

И уплыла в сон.

Когда открыла глаза, не сразу сообразила, где нахожусь. Вокруг было темно, только по потолку и стенам бродили странные тени. Я полежала несколько минут, восстанавливая в памяти события последних дней – свадьба, агентство Овсянки, Греней...

Греней!

Милфорды!

Мне же нужно ехать к нанимателю.

Я вскочила и забегала по комнате, хватая, то платье, то расчёску. В этом хаосе понятно было только одно – я проспала. Уже наступил вечер. В комнате не было часов, а, чтобы спуститься вниз, нужно было одеться и привести себя в порядок. Чем я и занялась с неведомой мне раньше скоростью.

По времени было ещё не слишком поздно – семь часов вечера. Если поторопиться, успею к восьми. Вполне себе ещё допустимое время для визита к нанимателям, которые тебя ждут.

Возможно, лучше было переночевать у Розетты и поехать утром, но ведь я изображала бедную гувернантку. Не будет ли выглядеть слишком странным, если вместо того, чтобы ехать к нанимателю, я сниму номер в гостинице?

Решено – ночь проведу в поместье, а наутро познакомлюсь с воспитанницей.

Успокоенная этими мыслями я даже согласилась на чашку какао, предложенную гостеприимной хозяйкой.

Розетта попыталась ещё раз меня отговорить. Но я была неумолима в своей решимости спрятаться на ближайший год в поместье Милфордов и дожидаться там совершеннолетия. И никакие уговоры и страшные рассказы о колдунах и жертвоприношениях не могли меня убедить.

– Если в течение недели не покажусь в городе, значит, вы были правы, и меня принесли в жертву, – «успокоила» я хозяйку.

Она вскинулась, но тут же поняла, что я несерьёзно, и показательно обиделась.

– Неуместные у вас шуточки, мисс Крунс, – Розетта отвернулась и сделала вид, что протирает свою чашку, совсем забыв, что в ней тоже налит какао. Белоснежный платочек тут же приобрёл коричневое пятно.

– Простите, мадам Розетта, – я положила ладонь поверх руки хозяйки пансионата, – у меня своеобразное чувство юмора.

– Да уж, я заметила, – тем не менее она улыбнулась. Скомкала платочек и пошла с ним в прачечную.

Ну а я отправилась наверх – собирать вещи.

Спустя полчаса я уже ожидала экипаж, за которым мадам Розетта отправила служанку. Ждать пришлось долго. И мне вспомнилась почти пустая стоянка кэбменов на площади у вокзала.

Когда я вышла на улицу и увидела, как дверь передо мной распахивает уже знакомый наглый мальчишка-кэбмен, убедилась, что мои подозрения подтвердились.

Похоже, других кэбов в Греное нет.

– В поместье Милфордов, – велела я, устраиваясь на сиденье.

– Ночью? – переспросил совершенно невоспитанный кэбмен, который, видимо, никогда не слышал, что желание клиента – закон.

– Сейчас далеко не ночь, – чопорно заявила я, бросая взгляд на темноту вокруг кэба.

Ну да, фактически ещё только вечер, хотя и стемнело. Похоже, Греной расположен южнее столицы, и темнеет здесь раньше.

– Ночью не поеду, – заявил совсем обнаглевший кэбмен и показательно сложил руки на груди, демонстрируя своё нежелание двигаться с места.

Ну и что мне с ним делать? Понимая, что гадкий мальчишка просто набивает себе цену, и не в силах на это повлиять, я поскрипела зубами и выдавила из себя:

– Плачу вдвое.

– Второе, и деньги – вперёд, – тут же подхватил он. И скрип зубов стал ещё более отчётливым.

И тем не менее я вынуждена была согласиться.

– Поезжай, – вложила монеты в протянутую ладонь.

Казалось, наглец ждал лишь этого, потому что дверь кэба немедленно захлопнулась, мальчишка вскочил на козлы, и лошади рванули с места так, что я с трудом удержала равновесие.

Вечерний Греной был тих и спокоен. Несмотря на то, что было ещё совсем не поздно, на улицах нам не встретилось ни единого человека. Редкие газовые фонари освещали лишь

центральные улицы. Дальше царила настоящая темень, слегка разгоняемая лишь двумя масляными светильниками по углам кэба и огромной круглой луной, серебристое сияние которой делало всё вокруг каким-то удивительно волшебным.

За время пути я расслабилась, наслаждаясь тишиной и покоем, и решила, что всё у меня получится. В поместье Милфордов я найду укрытие и общение с маленькой девочкой, нуждающейся в моей помощи. А дождавшись двадцатилетия, обращусь в королевский совет и потребую освободить меня из-под опеки дяди. Буду жить самостоятельно на оставленные родителями средства...

В своих фантазиях я уже купила дом в столице и небольшой загородный особняк, как вдруг лошади остановились.

– Что случилось? – я выглянула из окошка.

Справа от кэба сквозь высокие прутья ограды светила луна, а под ней темнела громада дома без единого огонька. Зачарованная я выбралась наружу и подошла ближе. До дома было довольно далеко.

– Приехали, – заявил кэбмен, вытаскивая на траву мой багаж.

– Но как же... – начала было я и не закончила фразу, потому что лошадка, понукаемая невозможным мерзавцем, уже бежала обратно в сторону города.

А я осталась совершенно одна у запертых ворот, освещаемая лишь серебристым светом луны.

Глава 4

Звук копыт затих вдали. А я всё ещё стояла на прежнем месте, пытаюсь осознать, что сейчас произошло. Этот... этот кэбмен, он что, бросил меня одну ночью перед закрытыми воротами поместья?

Получалось именно так.

В наступившей тишине вдруг отчётливо проявились звуки леса: резкое «ух-у» ночной птицы, от которого я вздрогнула, шум ветра в ветвях. Шуршали опавшие сухие листья, отчего казалось, что ко мне кто-то крадётся. Причём крадутся стайей, окружив меня со всех сторон.

В этот момент вдруг ясно осозналось, что я исключительно городской житель и ни разу в жизни не сталкивалась с природой лицом к лицу.

Как сейчас.

Пикники в пансионе и выезды в королевский парк не в счёт. Там я всегда была под присмотром горничных, учительниц, опекуна. Рядом обязательно находились другие люди, давая мне чувство безопасности.

А сейчас мы с природой были один на один.

Я поёжилась, отчётливо ощущая, как ночной холод проникает под пальто.

Нужно идти к дому. И как можно скорее.

Я подошла к калитке, обнаружившейся в воротах, и толкнула створку. Как и ожидалось, она была заперта.

Подёрнула большой тяжёлый замок, висевший почему-то изнутри. Впрочем, это открытие меня приободрило. Значит, хозяева дома, иначе замок закрыли бы снаружи.

Но как мне попасть за ворота?

Я посмотрела на свой огромный саквояж, тяжёлую сумку с книгами, на своё дорожное платье, на прутья решётки, украшенные витиеватым узором, и приняла решение.

Вещи поставила вплотную к калитке, свернула ридикюль и сунула его в карман, задрала подол, заправила спереди за пояс, чтобы не мешал, и... полезла наверх. Ограда была высотой в полтора моих роста. Может, и больше, но, когда я добралась до середины, стало уже не до измерений.

Оказалось, что лазить по заборам не такое уж лёгкое занятие. Ладони горели, ноги то и дело норовили соскользнуть с очередного витка узора, сердце бухало в груди, сбивалось дыхание, вырываясь облаком пара в остывшем воздухе.

Впрочем, мне само было жарко.

Некстати подумалось, что нужно было заниматься физической подготовкой в пансионе. Возможно, сейчас пришлось бы легче. Но эти уроки были необязательными. И аристократки вроде меня никогда их не посещали. Зато Лилея и другие дочери богатых торговцев и промышленников ходили на занятия с радостью. А потом возвращались раскрасневшиеся, довольные, с взлохмаченными волосами.

Это считалось недопустимым для девушки моего круга. А я когда-то слепо следовала этикету, считая, что он защитит меня в любой ситуации.

Как оказалось, не в любой. И сейчас, достигнув самого верха ограды, я понимала это как никогда отчётливо.

Где-то я читала, что, забравшись на высоту, нельзя смотреть вниз. Мне тут же стало интересно почему. И разумеется, я немедленно нарушила это правило.

Мамочки мои!

Какая же тут высота. А если я сейчас сорвусь и упаду? Ладони тут же невыносимо загорелись, сигнализируя, что держаться за прутья больше нет никаких сил. Неужели я сейчас сорвусь и закончу свою жизнь так жалко, раскинувшись сломанной куклой у чужих ворот?

Ну уж нет, не для того я прикладывала столько сил для побега от опекуна и жениха, чтобы теперь просто разбиться о землю в каких-то двух шагах от своей цели.

Ладно, в паре сотен шагов, но разве это имеет значение?

Я глубоко вдохнула, сильнее уцепилась за прутья и перекинула правую ногу через острые наверхия решётки. Подол зацепился и от рывка треснул, разрываясь. Но мне уже было всё равно. Я была полна решимости добраться до дома своих нанимателей живой и желательно невредимой.

Какое-то порванное платье не могло меня остановить.

Перекинула правую ногу на другую сторону. В платье теперь был разрез до бедра. Если бы кто-то здесь находился, ему открылась весьма фривольная картинка. Так что я даже обрадовалась темноте и тишине вокруг.

Преодолеть вершину оказалось самым сложным. Спустилась я уже в два счёта, решив, что в физподготовке нет ничего сложного. Главное – сила духа и решимость.

Как у меня.

Оказавшись по другую сторону, оглянулась на свой багаж. Сумка и саквояж сиротливо лежали на пожухлой траве. Надеюсь, дикие звери здесь не водятся, а если и водятся, то не позарятся на мои вещи. Съестного там совсем не осталось. Только одежда и книги. И часть денег.

Но ведь животным деньги ни к чему, а людей вокруг не наблюдалось. Вот совершенно ни души.

Ладно, сейчас доберусь до дома и попрошу прислугу забрать мои вещи. Воодушевлённая этим, каким-никаким а планом, я направилась вперёд по подъездной дорожке. Она сильно заросла травой, и у меня появились подозрения, что в этом доме не слишком любят гостей.

Но ведь это совсем не причина, чтобы придумывать сплетни про колдунов и жертвоприношения, не правда ли?

Но сейчас, в темноте и тишине, когда громада дома освещалась лишь полной луной, все эти слухи уже не казались такой уж выдумкой...

– Я не подвержена суевериям, – шептала, подбадривая себя при каждом шаге.

Суеверия... Точно. «Гувернантка не должна быть подвержена суевериям», – вспомнились мне строки, читаемые Овсянкой. А что я сейчас делаю? Именно – подвергаюсь тлетворному влиянию суеверий. Наверное, именно это и имел в виду мистер Милфорд, отправляя заявку в агентство. Просто он знал о слухах, которые распространяют в городе о его семье и поместье.

Страх перед темнотой естественен для человека и вполне объясним. Я не вижу окружающее меня пространство, поэтому и боюсь его. Поэтому мне и мерещатся всякие монстры.

– Р-р-р, – раздалось слева от меня, и лунный свет заступила громадная тень.

Я тут же забыла о своей развитости и образованности и завизжала как обыкновенная деревенская девчонка.

Тень медленно приближалась и по мере приближения росла. В конце концов, рядом со мной нарисовался огромный монстр. С четырьмя лапами, хвостом и громадными глазами-плошками, горевшими жёлтым огнём в неверном свете луны.

Монстр повторил своё грозное «р-р» и подошёл ещё ближе, пригيبая голову к земле, как будто высматривал, где лучше меня укусить.

Он остановился совсем рядом, и я наконец смогла рассмотреть это чудовище: лобастая голова с короткими заострёнными ушами, мощное туловище, лапы не слишком длинные, но тоже мощные. И вообще, зверь производил ощущение крупного и развитого пса...

Это же собака – вдруг дошло до меня. Это тот самый пёс, который воет здесь по ночам и порождает нелепые слухи.

Злоключения этой ночи, сильные нервные потрясения, сменявшие друг друга, а ещё накатившая после напряжения усталость вывели меня из себя. Эта проклятая собака ещё будет на меня рычать!

Я вытащила из кармана изрядно помятый ридикюль и что было силы шлёпнула пса по спине. А может, и пониже спины, я особо не приглядывалась.

– Ах ты зверюга, будешь ещё меня пугать? А ну пошёл отсюда! – шлёпнула ещё раз.

Зверь поджал хвост, защищая самое уязвимое место, и неуверенно рыкнул.

– А ну пошёл! – шлёпнула в третий раз.

Пёс посмотрел на меня глазами-плошками, моргнул раз, другой, расстроено тявкнул и потрусил в сторону дома.

Я выдохнула, поправила, как могла волосы, предполагая, что после всех этих приключений, причёска наверняка растрепалась, сунула ридикюль под мышку и зашагала вслед за собакой.

Ишь, развели тут монстров, честным гувернанткам ни пройти, ни проехать.

Пока шагала к дому, остыла. И физически, и морально. Больше уже не злилась на бедного пса, так неудачно попавшего мне под руку. Даже чувствовала себя немного виноватой. Я ведь люблю собак и всегда хотела завести себе четвероного друга. Но дядя Уберт был против животных в доме, а потом я отправилась в пансион, и вообще стало не до этого.

Даже хорошо, что в поместье живёт собака. Мы с воспитанницей сможем брать зверюгу на прогулки.

Впрочем, я дошла до самого крыльца, так и не встретив обиженного мной пёсика. Наверное, он расстроился и убежал подальше от злой меня. Ничего, потом извинюсь и задобрю его косточками.

Свет не горел ни в одном окне.

Я постояла на крыльце, раздумывая, что делать дальше. Вроде бы не так и поздно. Люди не должны ещё ложиться в такое время. Разве что ребёнка стоило бы уложить.

Так куда же они делись? Уехали на званый вечер? А где прислуга? Ведь кто-то же должен был остаться дома?

Так и не найдя ответа на свои вопросы, я решила постучать. Когда мне откроют, извинюсь за поздний визит и сообщу, кто я такая, зачем приехала и почему пребываю в столь непотребном виде.

Я поднялась на крыльцо и разглядела большие бронзовые ручки, увенчанные головами каких-то животных – то ли львов, то ли собак. Холодный металл легко лёг в ладонь, и я дважды постучала о бронзовую дощечку.

Звук разнёсся по округе, в темноте разбегаясь в стороны и множась эхом. Подождала немного. И ещё немного. А потом постучала снова.

Никто не открывал.

По моим ощущениям я стояла на крыльце уже больше получаса, потому что сильно замёрзла. Но дом казался абсолютно вымершим. Я пристально всматривалась в окна, надеясь уловить колебание занавесок, если кто-то наблюдает за мной изнутри, но глаза уже заболели от напряжения, а занавески были по-прежнему недвижимы.

Мысль подобраться поближе к окнам первого этажа и попытаться постучать в них или даже разбить стекло и забраться внутрь – я отмела сразу. Я ведь воспитанная леди, а не обורванка какая-то. Хотя сейчас мне вряд ли поверили бы на слово.

В общем, я испытывала полнейшее разочарование от своего поспешного решения. Всё же стоило переждать ночь в гостинице и отправляться сюда поутру.

А теперь непонятно, что делать. На улице я замёрзну, а внутрь мне не попасть. И обратно в город уже не вернуться. Я особо не следила за дорогой, но она вела через лес. А в лесу было страшно, это я уже испытала на себе.

И что же делать?

Ещё раз стукнув по бронзовой дощечке бронзовой же головой, скорее, от досады на свой промах, чем ещё на что-то надеясь, я уселась на каменные ступени. Точнее на ридикюль, постеленный на ступени, ему уже хуже не будет.

Поджала к себе колени, обхватила их руками, чтобы было теплее, и задумалась.

Что же мне делать?

– Что вы здесь делаете? – вторил моим мыслям хрипловатый мужской голос.

Я очнулась и заморгала, спросонья, не разобрав, кто передо мной. Кажется, я всё же умудрилась задремать. Для тепла обтянула колени порванным подолом и сейчас, пытаюсь встать, запуталась в нём.

Мужские руки подхватили и удержали, не давая упасть.

– Спасибо, – пробормотала я, вспомнив о приличиях и отодвигаясь в сторону. – Кто вы такой и что делаете здесь ночью?

Помня о том, что я будущая гувернантка в этом доме, добавила в голос строгости. Пусть не думает, что я его боюсь.

В темноте было не разобрать выражения лица моего нового знакомого, но мне показалось, что он хмыкнул. И всё же соизволил представиться.

– Меня зовут Найджел Милфорд, я хозяин этого дома. А вот как вы пробрались на территорию моего поместья и с какой целью?

Уф, слава богам, это не какой-нибудь бродяга, пробравшийся вслед за мной через забор, это мой наниматель. Признаюсь, от этого открытия мне стало значительно легче. Всё же я немного испугалась, когда ко мне так близко подобрался незнакомый мужчина.

Я широко улыбнулась, хотя в темноте это вряд ли было видно, и как можно приветливее произнесла:

– Я ваша новая гувернантка, Анна Крунс.

Протянула ему руку. Но этот невежа оказался традиционалистом, не признающим, что женщины равны мужчинам, и ладонь мне не пожал.

Вместо этого он прорычал, нависая надо мной:

– Какая ещё гувернантка? Откуда вы взялись, демоны вас побери?

Раздражённый мужчина, да ещё и так близко от меня заставил поёжиться, но я не отступила. Подняла голову и смело встретила его взгляд.

К счастью, было темно, и самого взгляда я не различала. Достаточно было просто задирать подбородок.

– Я гувернантка, приехала к вашей дочери, – постаралась ответить максимально спокойно и вежливо, чтобы до него дошло. Ведь сам отправил заявку в столицу. Кто же кроме него мог это сделать. И вспомнив наставления Овсянки, добавила: – Милорд.

Не стоит ссориться с этим грубияном. Я, конечно, ожидала более комфортных условий работы, но придётся подстраиваться, чтобы переждать несколько оставшихся месяцев.

Ну и поучить мсье Милфорда хорошим манерам. Думаю, ему пойдёт на пользу.

Не знаю, какое впечатление произвел на него мой кроткий нрав, но он вдруг буркнул:

– Лючине не нужна гувернантка.

Что ж, вот мы и выяснили имя девочки. Вот только – почему не нужна?

Ох уж эти мужчины, как же они непостоянны.

И не удержавшись от сарказма, спросила:

– Зачем же вы тогда подали заявку на гувернантку?

– Да ничего я не подавал, – возмутился мсье Милфорд. Получилось похоже на рык раздражённого зверя, который сел мягким местом на колючку.

Терпение, Анна, терпение. До совершеннолетия осталось меньше года.

– Тогда зачем же я приехала? – вкрадчиво поинтересовалась, просто чувствуя, как разбиваю его доводы по всем фронтам.

– Вот и я хотел бы знать, – сдаваясь, буркнул мсье, почему-то не желавший становиться моим нанимателем, но я сделала вид, что не услышала.

Вместо этого процитировала его собственную заявку:

– Гувернантка должна быть сильна духом, не подверженной суевериям, не слушать сплетни, – добавила уже от себя.

Но мсье Милфорд смотрел на меня насуплено и не собирался проникаться собственными словами.

Я начала поддаваться отчаянию. Наниматель попался упрямый и что уж скрывать – мало-приятный. Держит леди на улице столько времени, а сейчас ночь и довольно прохладная.

Я решила предложить ему компромисс:

– Давайте пройдем в дом, милорд, я замёрзла.

Постаралась, чтобы мои слова звучали жалобно. Что, впрочем, мне удалось, ведь дрожь в голосе была самая настоящая.

За домом раздался жалобный вой.

– Вот видите, – укоризненно добавила я, – ваша собака тоже замёрзла. Кстати, очень невоспитанный пёс, пытался меня напугать, когда я только... э-э... приехала.

– Пытался? – мсье Милфорд как будто усомнился в моих словах.

– Ещё как пытался! – с жаром добавила я. – Выскочил из кустов, рычал, сверкал глазами, пришлось отходить его ридикюлем.

Я продемонстрировала своё пострадавшее в бою оружие. И мне показалось, что мсье хмыкнул. Как-то сдавленно. Или закашлялся...

– Значит, вы приехали поздно вечером в незнакомое поместье, – начал мсье Милфорд тоном, который мне сразу не понравился, – перелезли... – он окинул меня взглядом, от которого я покраснела и возблагодарила богов за то, что темно, и все подробности моего перелезания наниматель не видит, – через ограду, отпугнули ридикюлем... хм... собаку. И теперь хотите устроиться гувернанткой к моей дочери...

В общем-то, всё сказанное было верным. Вот только вкрадчивая интонация мне не понравилась. Что-то в ней было... не то. И я не спешила соглашаться со всем перечисленным.

– Что ж, поверю в вашу силу духа и... неподверженность суевериям, – резюмировал мсье Милфорд. – Значит, вы гувернантка...

Я не понимала, о чём он раздумывает, и почему сомневается, если сам же отправил заявку. В то, что мсье Милфорд этого не делал, я не верила. Иначе, откуда заявка могла взяться? Разве что кто-то это сделал без его ведома. Но зачем это было нужно?

– Идите за мной, – наконец решив что-то для себя, мсье Милфорд прошёл мимо меня к двери и провернул в замке огромный ключ.

Ого, какие тут запоры. Интересно, чего или кого так опасается хозяин поместья?

Дверь открылась, являя моему взору тёмное нутро дома, в котором не горело ни единого светильника.

Мсье Милфорд скрылся внутри, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Как ни странно, но наниматель не показался мне страшным, даже несмотря на свою грубость и полное отсутствие манер. А вот своего сладкоречивого воспитанного жениха я боялась до дрожи в коленках.

В доме было очень тихо. Я слышала только собственное дыхание и звук своих шагов. К тому же здесь оказалось неожиданно тепло. И я сразу же почувствовала, как сильно замёрзла.

Хотелось выпить горячего чая, принять не менее горячую ванну и лечь в постель. Не хватало только слечь с простудой.

Но хозяин дома, похоже, потерялся в его тёмных просторах и совсем забыл обо мне. Или он ушёл искать хозяйку?

Делая очередной шаг в темноте, я наткнулась на что-то, с грохотом опрокинувшееся на пол и стукнувшее меня по ноге. Зашипев, я решила напомнить о себе.

– Может быть, мадам Милфорд могла бы...

– Не могла бы, её не существует, – грубо перебили меня, и всё вокруг засияло светом.

Проморгавшись, я поняла, что это всего лишь небольшой магический светильник. Но поначалу свет показался мне очень ярким.

– Идёмте, я покажу, где вы можете переночевать, – мсье Милфорд пошёл вверх по лестнице, даже ни разу не оглянувшись на меня.

Всё-таки он настоящий бирюк. Это стало ясно, когда хозяин дома быстро поднялся по лестнице и исчез в одной из комнат второго этажа, даже не удосужившись узнать – успеваю ли я за ним.

Я не успела и теперь брела в темноте коридора, держась за стену рукой и костеря про себя всех мужчин вообще и этого в частности.

– Ну где вы там возитесь? – раздалось грубое из одной из комнат, и коридор осветился магическим светильником.

– Спасибо, что показали мне путь, – едко произнесла я, направляясь нему.

Мсье Милфорд ничего не ответил, только сунул светильник мне в руку и вышел из комнаты.

Вот же грубиян. Я вздохнула и закрыла дверь изнутри, даже не хлопнув. Всё же я, в отличие от этого мужлана, о манерах знаю не понаслышке.

Глава 5

Думала, что уснуть мне не удастся. Всё же новое место, совершенно незнакомое, как и совершенно незнакомый мужчина где-то поблизости. К тому же изнервничалась вчера знатно. Но уплыла в сон, как только голова коснулась подушки.

Проснувшись утром, я была оглушена... тишиной.

Не было привычного городского шума. Ни ржания лошадей, ни гула мехмобилей, ни криков мальчишек-разносчиков.

Тишина.

Я подошла к окну и распахнула створки, чтобы убедиться, что это мне не кажется. На меня пахнуло чуть горьковатой свежестью осеннего леса. Оказывается, дом стоял совсем недалеко от плотной стены деревьев.

Тишина сменилась шелестом ветра среди ветвей, шуршанием опадающих листьев и негромкими голосами. Один из них я сразу же узнала. Низкий, раскатистый, похожий на рокот прибоя, когда волны перекатывают валуны, ударяя их друг о друга.

Но этот рокот не пугал неумолимой мощью океана, он был домашним, уютным. Его хотелось слушать.

Второй голосок – детский – принадлежал, скорее всего, моей будущей подопечной. Жаль, слов было не разобрать.

Разумеется, я знала, что воспитанная леди не опустится до подслушивания чужих разговоров. Но ведь у меня нестандартная ситуация, а значит, можно допустить исключение.

Можно было бы, но, к сожалению, отсюда ничего не слышно. Придётся спускаться. Должны же потенциальную гувернантку накормить завтраком?

Вот только я сразу же столкнулась с первой трудностью – у меня не было сменной одежды. А ведь известно, что первое впечатление – самое важное. Я хотела предстать перед воспитанницей воплощением строгости и совершенства. В красивом, тщательно отутюженном платье. А придётся идти в дорожном, измятом и с порванным подолом.

На всякий случай я осмотрела комнату и открыла шкаф, надеясь, что прислуга в этом доме всё же исполняет свои обязанности надлежащим образом. Но ни саквояжа, ни сумки нигде не нашла.

Придётся высказать мсье Милфорду своё мнение по поводу нерадивых слуг. Видимо, отсутствие мадам Милфорд пагубно сказывается на ведении хозяйства. Посоветую ему всех разогнать и нанять новый штат. Ещё и охотно поприсутствую на собеседованиях.

Я оделась и посмотрелась в висевшее на стене зеркало. Надо быть честной с собой – я бы такую гувернантку выгнала немедленно, не слушая никаких оправданий. Отражение меня не пощадило, показав в свете утра бледную девушку с исцарапанной щекой, в мятом платье с рваным подолом. Из разреза выглядывали чулки, и мне приходилось постоянно запахивать подол, чтобы эта неприятность не стала заметна.

Я тщательно расчесала и уложила волосы. Спасибо Овсянке, показавшей, как в этом деле обходиться без помощи.

А потом снова окинула своё отражение придирчивым взглядом. Если не считать беспорядка в одежде, выглядела я... хм... пусть будет прилично.

Вариантов всё равно не было.

Но стоило мне открыть дверь, как варианты возникли сами собой. Оказывается, прислуга в этом доме всё же знала свою работу. Мой саквояж с сумкой забрали из леса и оставили за дверью. Видимо, служанка постеснялась меня будить.

Я затащила вещи в комнату и спешно пересмотрела свои платья. Подбирая гардероб, мы с Лилеей обращали внимание на не слишком маркие цвета и немнущиеся ткани.

Я достала из саквояжа платья и развесила их в шкафу. Выбрала одно из них – тёмно-синее, с закрытым верхом и белым воротничком, придающим наряду хоть какую-то свежесть. И уже собралась его надеть, но не успела.

В дверь постучали.

Я застыла с платьем в руках и прислушалась.

Может, прислуга заметила, что я забрала вещи?

Я ожидала какого-то пояснения, чтобы решить – открывать запор или нет, но было тихо. Стук не повторился, и шагов по коридору я тоже не услышала. Если кто и стоял по ту сторону двери, он молчал. Ну или она. В смысле служанка.

Я уже представила юную деревенскую девочку, только нанявшуюся в богатый дом к бирюку Милфорду, вот она отправилась ко мне со своим первым поручением, а я тут сомневаюсь и не открываю. Девочка дрожит и переживает, что её уволят...

Ладно, хватит, с моим богатым воображением можно представить всё, что угодно.

Положила платье на кровать и подошла к двери. Конечно, слугам тоже не следует показываться в таком виде, но всё же стоит узнать, что от меня. Может, требуется срочно приступить к обязанностям.

Я отодвинула засов и распахнула дверь. За ней стоял мсье Милфорд с занесённой для повторного стука рукой.

Он окинул меня быстрым взглядом, задержавшись внизу. Я вспомнила, что сейчас разрез ничто не держит, а значит, мои чулки выставлены на обозрение этого... мсье. И резко дёрнула подол, закрывая прореху.

Мсье быстро отвёл взгляд и... покраснел.

– Вы... это... спускайтесь... мы ждём... там... завтрак... – выдавив это из себя, мсье Милфорд быстро ретировался.

А мне казалось, я вчера произвела на хозяина поместья неизгладимое первое впечатление. Но, похоже, второе мне тоже удалось.

Честно, признаюсь, вниз я спускалась не без опасений.

Во-первых, как-то у нас с мсье Милфордом сразу не заладилось. А во-вторых, я очень долго переодевалась.

Мне было необходимо привести себя в порядок и вернуть присутствие духа. Поэтому я, тщательно занавесив окна, использовала бытовую магию. Обработала платье паром, чтобы убрать даже малейшие складочки на ткани. С сожалением взглянула на испорченный дорожный наряд. Боюсь, починить его мне сейчас не под силу. Не за один раз.

Боги всесторонне одарили меня, но дали слишком маленький магический резерв. Мои силы чересчур быстро иссякали, а потом приходилось использовать свою жизненную энергию.

К тому же Овсянка предупреждала, что следует быть осторожной с использованием магии. А ни один из её советов до сих пор не оказался лишним.

Одевшись, я долго расчёсывала волосы, пока они не засияли, ложась волнами мне на плечи. Я не стала их убирать, лишь заколов у висков. Пощипала щёки, чтобы вызвать румянец, и покусала губы, чтобы придать им яркость. Припудрила царапину, чтобы она не портила весь вид.

И ещё раз взглянула в зеркало.

На меня смотрела не просто гувернантка, на меня смотрела мисс Совершенство.

И всё равно выходить было страшно. Причём с каждой минутой промедления становилось страшнее.

Поэтому я распахнула дверь и вышла в коридор.

При свете дня дом оказался другим. Не таким таинственным, как представлялось в темноте. И ещё старым и не слишком ухоженным.

Я заметила пыль на светильниках и паутину под потолком. А ещё давно не метёные дорожки, которые прикрывали скрипучие доски пола.

Окна давно не мыли, а перила не натирали воском. Как и дверные ручки, которые потускнели от времени и невнимания.

Всё же прислугу в этом доме нужно рассчитать и нанять новый штат.

Это придало мне решимости. Стоит поговорить с мсье Милфордом об этом, его дочь не должна расти в таком запустении.

А ещё в доме было очень тихо. Даже слишком тихо для такого времени. Часы в одной из комнат пробили десять утра.

И я прибавила шаг.

Где же тут столовая?

Я начала поочерёдно обходить помещения первого этажа. Гостиная, явно мужской кабинет с книжными стеллажами, кухня, кладовая, ещё одна комната непонятного назначения и наконец столовая, которая была абсолютно пуста.

Все помещения находились в таком же запустении, как и на втором этаже.

Очень странный дом, где хозяин позволяет слугам манкировать своими обязанностями.

Я уже хотела пойти дальше, как услышала голоса от открытого окна.

– Папа, я хочу, чтобы она осталась... – просил детский голосок.

– Это невозможно, она уедет сегодня же, до заката, – отрезал мужской. И я представила хмурю гримасу на лице мсье Милфорда.

Ну вот у меня и появилась возможность подслушать разговор о себе самой. Вот только я вместо того, чтобы узнать мнение мсье о себе, толкнула створчатые двери с трещиной в одном из стёкол и вышла на террасу.

Кажется, мне удалось застать их врасплох.

Потому что у мсье потенциального работодателя на лице расцвела целая гамма эмоций. Думаю, все они касались меня, вот только там не было и следа приветливости и радушия.

Похоже, мсье Милфорд серьёзно намерен дать мне от ворот поворот. А я ни за что не могу этого допустить.

Я сделала ещё шаг к грубо сколоченному деревянному столу, за которым они сидели, и присела в тщательно выверенном реверансе, изящно склонив голову. А потом подняла взгляд и пристально посмотрела на Милфорда, пытаюсь заставить его смутиться своими словами.

И своего поведения, потому что этот невоспитанный мужлан даже не приподнялся при появлении дамы. А я так старалась, чтобы произвести на него положительное впечатление.

Сейчас, при свете дня, я могла хорошо разглядеть хозяина поместья. И должна сказать, что он был довольно привлекателен своеобразной грубоватой мужественностью.

Вот только хмурое выражение лица и недовольно сжатые губы портили всё впечатление. Настоящий бирюк. Медведь.

Вот только не надо так на меня смотреть, мсье Милфорд, взглядами меня не напугаешь. Выйти замуж за лорда Брэмора для меня намного опаснее. Поэтому я останусь в вашем гостеприимном доме, даже если вы против.

Я перевела взгляд на девочку. Она была совсем не похожа на своего отца. Он массивный плотный, настоящий медведь, с каштановыми волосами и карими глазами, глядящими исподлобья. А она совсем маленькая, думаю, около пяти лет или меньше. Светленькая блондинка с голубыми глазами.

Наверное, пошла в мать. Интересно, что с ней случилось? Погибла? Умерла от болезни?

– Доброе утро, – поздоровалась я с обоими, а потом представилась девочке: – Мисс Милфорд, я ваша новая гувернантка.

По тому, как просияло её личико, стало понятно, что малышка мне очень рада. Она уже собиралась мне ответить, но отец перебил её, хмуро выдавив сквозь зубы:

– Очень в этом сомневаюсь.

Бросаете мне вызов, мистер Милфорд? Что ж, давайте посмотрим, кто кого. Этой ночью я уже убедилась, что вы, хоть и не приветливы, но не являетесь мерзавцем. Вы предложили мне ночлег, а не выставили за порог в лес к диким зверям. Значит, где-то там за грубостью и отсутствием манер у вас есть сердце.

Вот его мы и будем искать. И думаю, ваша дочь охотно мне поможет. Вы любите девочку, и я это вижу, как бы вы не пытались это скрыть.

Улыбнулась как можно блистательнее и светским тоном произнесла:

– Вы приглашали меня на завтрак, мсье Милфорд, очень признательна вам за приглашение. Я проголодалась.

Возможно, я ошибаюсь, но мне показалось, что мсье Милфорд скрипнул зубами. Тяжёлая деревянная лавка точно скрежетнула по полу, когда он поднялся. Всё же он очень сильный, мсье Милфорд, настоящий медведь. Наверное, не стоит его провоцировать.

Он вернулся в дом, а мы с девочкой остались наедине.

Лючина сразу заробела и растерялась.

– Мисс Милфорд, – улыбнулась я, – предлагаю познакомиться поближе. Можно я буду называть вас Лючина и на «ты»?

Она кивнула, вырисовывая что-то ногтем на столешнице.

– Лючина, почему твой отец против гувернантки?

Девочка молчала, только ноготь большого пальца всё глубже входил в столешницу. Ладно, попробуем зайти с другой стороны.

– Сколько тебе лет?

– Шесть, – тихо произнесла она, продолжая рисование по дереву.

Шесть? В таком случае ей давным-давно нужна гувернантка. Тем более если девочка растёт без матери. Как она станет леди без женских наставлений?

– А ты сама хочешь, чтобы у тебя была гувернантка?

Она кивнула, не отрывая взгляда от столешницы. Я тоже посмотрела на её рисунок, на потемневших от времени досках виднелись неглубокие хаотично разбросанные бороздки. Похоже, начать нам придётся с урока рисования.

Прежде чем заниматься чем-то более серьёзным, нужно наладить контакт. За весь разговор мне удалось выдать из неё лишь одно слово.

Не скажу, что я большой специалист в воспитании детей. Но эта девочка – настоящий дичок. Её отец должен понимать, что так нельзя.

– Ты уже завтракала, Лючина? – спросила я как можно мягче.

Девочка покачала головой и, чуть подумав, добавила:

– Я поздно встаю. Папа ещё не готовил.

О-о, да у нас настоящий прогресс. Я даже не задумалась, почему готовит папа, так обрадовалась целым двум предложениям, обращённым ко мне.

– Я пойду, помогу твоему папе. И заодно поговорю с ним. Хорошо?

Она посмотрела мне прямо в глаза и спросила:

– Вы правда останетесь?

Теперь пришла моя очередь кивать.

– Но папа сказал... – она осеклась и снова опустила голову, печально вздохнув.

Ну уж нет, достигнутый прогресс я не упущу. Поэтому осторожно коснулась её щеки. И удивилась тому, как ощутимо вздрогнула эта малявка от моего прикосновения.

Нет, только не позволить ей снова закрыться.

– Лючина, посмотри на меня, – попросила мягко, и когда девочка подняла голову, глядя на меня печальными голубыми глазюками, я заговорщицки ей подмигнула и сказала: – Твоего папу я уговорю.

– Правда? – в её глазах разгоралась робкая надежда.

– Обещаю, – произнесла со всей искренностью. И поверила в свои слова. Теперь я останусь не только ради себя, но и ради этой девочки. Просто не смогу её обмануть.

Кухню нашла быстро. Мсье Милфорд стоял ко мне спиной. Скинув куртку и оставшись в вязаном свитере с высоким горлом, он разжигал плиту.

– Почему вы сами готовите завтрак? – не удержалась я от вопроса.

Милфорд вздрогнул, коробок упал на пол, и спички рассыпались по полу. Мужчина посмотрел на беспорядок, потом перевёл взгляд на меня и, устало вздохнув, спросил:

– Чего вы хотите?

Я не ожидала этого вопроса, но ответ возник сам собой:

– Я хочу стать гувернанткой вашей дочери, – и это была правда. Чуть подумав, я добавила: – Позвольте остаться в поместье до конца лета. Мне... это нужно не меньше, чем Лючине. Потом, если вы по-прежнему будете против, я уеду.

– Зачем вам это? – он сверлил меня недоверчивым взглядом.

Я почувствовала, что сейчас необходимо быть предельно честной, потому что от этого будет зависеть его решение.

– Мне грозит опасность... Я выбрала вашу заявку, потому что уверена, что здесь меня не станут искать. – Его взгляд сообщил, что эта откровенность была излишней. Поэтому пришлось быстро добавить: – Нет-нет, не думайте, я не совершила ничего предосудительного. Я прячусь от нежеланного брака. Летом мне исполнится двадцать, и опекун уже не сможет решать мою судьбу.

– Что так не хотите замуж? – с кривой ухмылочкой спросил Милфорд.

– Не за этого человека, – предельно серьёзно ответила я. – Не хочу подвергать свою жизнь опасности.

И он отвёл взгляд, а потом и вовсе присел и начал собирать спички.

Подумав, я присоединилась к нему.

В кухне воцарилось молчание. Мы собирали рассыпанные по полу спички, а потом ссыпали их в коробок. И в этом простом действии не было никакой напряжённости, словно мы уже много лет делаем это вместе. Уверена, что сейчас мсье Милфорд размышлял.

– Что вы решили? – спросила я, когда весь беспорядок был устранён, и хозяин поместья положил коробок на его законное место.

– Вы можете пока остаться... – начал он, и я мысленно возликовала, – но будет несколько правил, которые вам придётся неукоснительно соблюдать.

– Каких же? – его хмурый взгляд и серьёзный тон меня больше не пугали.

– Никаких гостей в поместье, за ограду не выходить без моего разрешения, в некоторые ночи с заката и до рассвета вы не будете покидать своей комнаты, – он смотрел прямо мне в глаза, считывая реакцию.

Что ж, признаюсь, я обалдела.

Всё-таки мсье Милфорд у нас тиран. Но он согласился, и это уже было маленькой победой. Со всем остальным постепенно разберёмся. Думаю, эти правила можно обойти. Пока никакой логики в них я не заметила.

Не то что бы мне сильно хотелось разгуливать по дому ночами, но вдруг захочется пить? Или ещё чего?

В общем, я улыбнулась и ответила:

– Я согласна, мсье Милфорд. А всё же – почему вы сам готовите завтрак? Где ваши слуги?

Глава 6

Девчонка невероятно злила. Всё в ней было чересчур. Слишком непокорная, слишком смелая. И основное желание, которое она вызывала – перегнуть её через колено и хорошенько выпороть.

Но Лучина сегодня впервые не выглядела потерянной после завершения лунных дней. Она не замкнулась в себе, проваливаясь в пучину отчаяния и ненависти. И даже заговорила с ним первой.

Заговорила о ней. Об этой девчонке. О гувернантке, прося оставить её. Они понравились друг другу. Просто удивительно.

И ночью она не испугалась. Сумела отогнать... собаку.

«Очень невоспитанный пёс... пришлось отходить его ридикюлем...»

Найджел усмехнулся. Да уж, выдержки и самообладания этой Анне Крунс не занимать. Так может решиться и... попробовать? Лючине нужна наставница. А риск... Что ж, он честно сообщил о нём. Если девчонка хочет стать гувернанткой Лючины и спрятаться в его поместье от жениха, он не будет возражать.

Найджел растопил плиту, давая себе время на раздумья, и после ответил:

– Слуг у нас нет, – и мстительно добавил, с удовлетворением наблюдая, как меняется выражение лица гувернантки на растерянное и даже испуганное, – готовим и убираем мы сами. И вам придётся принимать в этом участие, если хотите остаться.

Всё же он не ошибся. Девчонка – аристократка до мозга костей. Вряд ли она когда-либо держала в руках тряпку. Что ж, это будет отличное развлечение. Анна Крунс ещё не знает, на что подписалась.

– Вы ведь умеете готовить?

– Э-э... – растерялась она, но тут же взяла себя в руки, – да, конечно.

Ах ты, маленькая лгунья. И сейчас ты за это заплатишься.

– Отлично! – наигранно обрадовался Найджел. – Тогда помогите мне. Порежьте лук. Приготовим омлет на завтрак.

* * *

Мсье Милфорд ушёл в кладовку, а я достала из деревянного ящика крупную луковицу и уставилась на неё, как будто этот овощ мог рассказать, что с ним делать.

Пока я жила с Лилесей, несколько раз видела, как она готовит. Правда, Овсянка, зная об отсутствии у меня опыта, никогда не пыталась привлечь меня к приготовлению пищи.

Что ж, постараюсь вспомнить, что делала она. Как жаль, что тогда я была слишком невнимательна, не подумав, что мне самой придётся заниматься приготовлением завтрака.

Ладно, будем действовать логически. Овощи обычно чистят. Значит, и этот лук нужно очистить от кожуры. Я взяла нож, примерилась к овощу с разных сторон. Он был похож на золотисто-коричневый шар, сужающийся к противоположным сторонам. С одной виднелись короткие засохшие корешки, а с другой проглядывали зеленоватые ростки.

– И как же тебя чистить? – спросила я овощ, но он ожидаемо не дал ответа.

До этого мне приходилось чистить только яблоки. Я не любила шкурку, а в пансионе считалось, что яблоки нужно съедать целиком. Мне подавали крупные ломти, а я упрямо отрезала от них кожицу.

Попробуем действовать таким же образом.

Я положила луковицу на стол и надавила на неё острой кромкой ножа. Овощ неожиданно подпрыгнул и соскочил на пол, покатавшись по кухне. Я вскрикнула и бросилась за ним, почти поймав у самой двери в кладовку.

И разумеется, мсье Милфорд выбрал именно этот момент, чтобы войти в кухню, держа в обеих руках куриные яйца. Я уже бросилась вперёд, наклоняясь, чтобы подхватиться слишком вёрткий овощ, и не успевала затормозить. А мсье Милфорд слишком удивился моему маневру, чтобы сообразить, что нужно отскочить в сторону.

Мы столкнулись.

Я, мсье Милфорд и яйца.

Последние выпали у него из рук и упали. И часть упала на меня, разбиваясь о мою голову.

Я взвизгнула, когда по щеке и шее потекло нечто влажное, проникая за шиворот. И начала отчаянно стирать это руками, ещё больше размазывая по волосам, коже и платью.

Мсье Милфорд пару секунд ошалело взирал на меня, а потом громко захохотал, запрокинув голову. Что? Этот мужлан ещё и смеётся надо мной?

Я стряхнула скорлупки с плеча. Поднялась, держа спину идеально прямой, и двинулась к выходу. Мужской гогот, несущийся мне в спину, вызывал ярость.

Я уже собралась покинуть кухню, погромче хлопнув дверью, как вдруг заметила у самого порога своего беглеца. Луковица идеально легла в ладонь. Я на пару секунд замерла, раздумывая. Но мсье Милфорд хохотал как помешанный, даже и не думая извиняться за своё недостойное поведение.

И это всё решило.

Я размахнулась и запустила луковицу в него. Конечно, не надеясь попасть, но хотя бы выразить своё возмущение его неподобающим смехом над дамой. Каково же было моё изумление, когда овощ угодил точно в лоб моему работодателю.

– Ох... – только и успела произнести, как мой работодатель срубленным деревом рухнул на спину.

– Мсье Милфор, мсье Милфорд, вы живы? – я подбежала к нему и упала рядом на колени. Приложила ухо к его груди, слушая биение сердца, которое билось на удивление громко и сильно. Совсем не как у умирающего.

– Хотите меня добить? – поинтересовался мсье Милфорд глухим голосом.

Я испуганно отпрянула. Хотелось стукнуть его за то, что напугал меня, но понимала: в деле рукоприкладства и метания снарядов я уже и так перестаралась. Не стоит ещё больше усугублять своё положение.

– Простите, я нечаянно, правда, я не хотела, – зачастила, нервничая оттого, что оказалась слишком близко к такому крупному мужчине, – давайте помогу вам подняться.

– Уйдите, – хрипло попросил он. И я решила послушаться.

Вернулась в предоставленную мне комнату, умылась, переоделась в чистое платье и... села на кровати, не зная, что делать дальше.

С одной стороны, я вела себя недопустимо, и меня нужно уволить. Немедленно. А с другой – мсье Милфорд промолчал, а значит, есть шанс, что меня ещё не выгнали.

И может, не выгонят...

В любом случае, сидеть на месте и ждать новостей, было не в моём духе. Деятельная натура требовала выхода, и я пошла ей навстречу. Точнее пошла к двери.

Правда, открыть не успела, потому что в дверь постучали. В груди радостно ёкнуло – не уволил и даже сам пришёл за мной. Но в коридоре стояла Лючина. Она неуверенно улыбалась.

– Привет, – я тоже улыбнулась в ответ. – Проходи.

Приоткрыла дверь шире, чтобы девочка могла войти внутрь. Но она покачала головой:

– Папа сказал привести вас.

– Зачем?

– Завтракать будем наконец, – произнесла она с явно услышанной интонацией.

– А что ещё сказал папа? – невинно поинтересовалась я, понимая, что использую ребёнка, но выходить морально неподготовленной было боязно.

– Что нужно беречь голову. Никогда не знаешь, что в неё прилетит.

Я против воли хмыкнула и приободрилась. Похоже, мсье Милфорд не слишком сильно рассердился.

– Тогда идём завтракать, – я хотела взять Лючину за руку, но она отпрянула, почти отскочила в сторону и первой двинулась по коридору.

Почему она так боится прикосновений? Ведь не бьёт же её отец? Мне он не показался агрессивным, хотя я настойчиво проверяла его выдержку. Улыбнулась, вспомнив, как именно проверяла.

Так чего боится Лючина?

Ещё одна загадка этого дома.

Девочка привела меня в кухню, а не в столовую, как я ожидала. Мсье Милфорд уже сидел за столом. При нашем появлении он даже не подумал встать, только поднял голову и тут же снова уткнулся в тарелку.

Стол был сервирован очень просто: три большие тарелки с жареной глазуньей, три вилки и по центру – плетёнка с крупно нарезанными кусками ржаного хлеба. Не было ни следа полотняных салфеток, графина с водой или соком я тоже не заметила. Даже скатерть мсье Милфорд не соизволил постелить.

Но, глядя на крупную шишку, красующуюся посреди лба моего нанимателя, я умолчала обо всех замеченных недостатках.

Только улыбнулась, вежливо произнесла слова благодарности и села за стол. Яичница была похожа на того, кто её готовил – грубоватая, резко пахнущая жареным луком, но очень даже съедобная. И ржаной хлеб мне понравился, хотя раньше и не приходилось его есть.

Завтрак проходил в молчании, хотя и полагалось за столом поддерживать лёгкую беседу. Например, о погоде или о желании прогуляться по окрестностям. Но мсье Милфорд о чём-то размышлял, так ни разу и не подняв голову от тарелки. И я не решилась отвлечь его от раздумий.

Лючина ела плохо. Больше размазывала содержимое по тарелке. И неудивительно: глазунья с жареным луком и чёрным хлебом – совсем не то, что любят на завтрак шестилетние девочки.

Я сделала себе мысленную отметку поговорить с мсье Милфордом о рационе его дочери, как он отломил кусок хлеба и собрал им растёкшийся по тарелке белок. А потом облизал пальцы.

Я возмущённо закашлялась. Какой пример он показывает девочке?

Но вместо того, чтобы внять моему тонкому намёку и начать вести себя цивилизованно, мсье Милфорд стукнул меня своей огромной ладонью по спине. Раз. Другой. И третий.

Пока я, чувствуя, что сейчас уткнусь лицом в тарелку, сдавленно не выдохнула:

– Достаточно.

И потом, чуть отдышавшись, вежливо, но с иронией в голосе добавила:

– Спасибо, вы очень помогли.

– Нужно быть аккуратнее, мисс Крунс, – не остался в долгу он.

Я вскинулась, готовая защищаться от ответного сарказма, но мсье Милфорд выглядел серьёзным. И сколько ни вглядывалась в его лицо, так и не смогла разглядеть насмешки. Когда он поднял на меня глаза, пришлось отвести взгляд. Дальше разглядывать мужчину было неприличным.

– Завтра я уеду. На три дня, – вдруг сообщил он.

И я, размышляя совершенно о другом, не подумав, ляпнула:

– Куда?

К моему удивлению он ответил.

– Я смотритель Западного леса, мисс Крунс. И каждый месяц делаю обход определённой зоны. С завтрашнего дня вы приступите к своим обязанностям. Еду я приготовлю, чтобы вы с Лючиной не умерли с голоду.

Кажется, он меня раскусил.

– Мы справимся, мсье Милфорд, можете не сомневаться.

Я решила во что бы то ни стало доказать этому медведю, что он может доверить мне свою дочь.

– Очень на вас надеюсь, мисс Крунс, – усмехнулся он. И в этот раз я была абсолютно уверена, что вижу на его лице насмешку.

Что ж, мсье Милфорд, посмотрим, кто из нас окажется прав. Я поднялась из-за стола, собираясь отправиться в свою комнату и подобрать книги для первого урока с Лючиной. Но на пути к двери меня догнал вопрос:

– Мисс Крунс, может, вымоете посуду?

И готова поспорить – он смеялся надо мной.

Глава 7

Я была тонкой яблонькой, растущей на краю обрыва. Здесь до меня никто не мог добраться, и я чувствовала себя в безопасности. На мои ветви садились птицы и клевали спелые яблоки. А я улыбалась, глядя на это.

Лёгкий ветерок, обдувавший мои ветви, стал сильнее. Яблоки посыпались вниз, исчезая в покрытой туманом бездне. А за ними начали слетать листья. Но ветер всё не унимался. Меня трясло и качало над обрывом.

– Мисс Крунс, – сказал ветер, – мисс Крунс, проснитесь.

И я проснулась.

Ветер, то есть мсье Милфорд сидел на краю моей кровати и тряс меня за плечо.

– Я уезжаю, мисс Крунс, – сообщил он, когда я судорожно натягивала одеяло до самой шеи.

Тоже мне новость, ещё вчера за завтраком сказал. Зачем было врываться ко мне в спальню ни свет ни заря? Мсье Милфорд, видимо, уловил мой скептический настрой, потому что немедленно отодвинулся, а потом и вовсе поднялся с кровати. И даже отвернулся, дабы ни смущать меня.

Надо же, в ком проснулся джентльмен.

– Хочу напомнить, что вам и Лючине запрещено покидать поместье.

– А если мы захотим прогуляться? – легкомысленно поинтересовалась я.

– Гуляйте внутри ограды, – предложил он.

– А если... – попыталась я разведать границы дозволенного.

– Нет, – жёстко отрезал мсье Милфорд. Джентльмен закончился, и, словно подтверждая это, он снова повернулся ко мне. – Вам запрещено выходить и точка. Понятно?

– Чего уж непонятного, – пробормотала я про себя, но под хмурым взглядом работодателя вслух произнесла совершенно другое: – Понятно, мсье Милфорд.

– Я рассчитываю на ваше благоразумие, – уже спокойнее произнёс он и добавил: – Вернусь через три дня. Надеюсь, всё будет хорошо.

– Обязательно, мсье Милфорд, – улыбнулась я образцово-показательно, кутаясь в одеяло, и добавила про себя: «Да идите вы уже».

Но он почему-то не спешил уходить. Смотрел на меня задумчиво и как-то... странно. И когда я также уставилась на него, и наши взгляды встретились, мсье Милфорд смутился и отвернулся, двинувшись к выходу.

– До свидания, мисс Крунс, – бросил он, прежде чем выйти из комнаты и оставить меня одну.

Я выбралась из кровати, кутаясь в одеяло, и подошла к окну. На меня смотрели серые сумерки раннего осеннего утра. Посреди двора стоял мехомобиль и фыркал клубами дыма.

Надо же, не думала, что мсье Милфорд такой продвинутый. Мне он показался ретроградом, если судить по его неотёсанности.

Предмет моих раздумий в этот момент вышел из дома и забрался в мехомобиль. Дёрнул рукоятку, повернул колесо и механический монстр послушно покатился вперёд.

Мсье Милфорд обернулся, и я отскочила от окна. Вот же медведь – почуял мой взгляд. Я выждала немного и снова подошла к окну. Двор был пуст. Уехал. И сразу на душе стало пусто.

Я зло мотнула головой, прогоняя непонятные и ненужные эмоции, скинула на кровать одеяло и отправилась умываться. Потом вернулась и, увидев, что постель не заправлена, скорчила гримасу. Снова забыла, что я теперь гувернантка и должна сама убирать за собой.

Кое-как расправила одеяло, накрыла сверху покрывалом. Как могла, постаралась расправить вездесущие складки, которые никак не хотели разравниваться. Пришлось махнуть на них рукой – мне это мастерство недоступно.

Лючина ещё спала, и я не стала её будить. Хотелось осмотреть своё хозяйство и приготовить девочке завтрак. Точнее доказать себе, что могу это сделать.

Я ведь взрослая самостоятельная женщина. У меня ответственная работа – сформировать из неокрепшего детского ума настоящую леди.

Размышления мне нравились. Я чувствовала себя нужной. И к моменту прихода в кухню была полна пыла сотворить настоящее чудо.

Чудо-завтрак – звучит отлично.

Так, посмотрим, что нам оставил мсье Милфорд.

Кладовая была полна, как будто озиян уехал не на три дня, а на три месяца. С голоду мы с Лючиной точно не умрём, даже если очень постараемся.

С потолка свисал копчёный окорок. В ящиках на полу лежали овощи и корнеплоды. В мешочках на полках ждали своего часа крупы. В жестяных банках я нашла сухофрукты.

И эта находка решила дело – приготовлю-ка я вкусную сладкую кашу на завтрак моей маленькой воспитаннице.

Я взяла мешочки с крупой, сахаром и банку с сухофруктами и вынесла всё это богатство в кухню, выгрузив на стол. Нашла небольшую кастрюльку, налила в неё воды и поставила на плиту.

Точно. Нужно ещё развести огонь.

С этим возникли некоторые трудности, всё же печь я ещё никогда сама не растапливала. Хотя поленья уже могла подбросить после стажировки в доме Овсянки.

К счастью, хотя бы искать дрова было не нужно. В большой корзине у печи оказалось достаточно. Сверху лежал листок бумаги. На нём размашистым почерком было написано: «Не сожгите дом. Пожалуйста».

Вот ведь... медведь.

Я скомкала листок и бросила его в печь – сожгу первым делом. И вообще – если мсье Милфорд так мне не доверяет, зачем оставил присматривать за своей дочерью? Нанял бы уже кухарку, пусть готовит. Горничная бы убирала дом. Ну а я учила Лючину тому, что должна знать шестилетняя леди.

А не вот это вот всё...

Я обвела взглядом фронт работ и вздохнула. Всё же работать – очень непросто. Но я была уверена, что справляюсь. Поэтому сунула в печь несколько поленьев, подсунула под них бересты, приготовленной тут же, и зажгла спичку. После чего с чувством выполненного долга и ощущением, что всё оказалось не так и сложно, закрыла заслонку.

А спустя несколько секунд из-за дверцы повалил чёрный горький дым.

В первый миг я подумала, что всё не так уж и страшно. Дыма было совсем немного. Сейчас он рассеется, и в печи разгорится весёлый уютный огонь.

Но он не рассеивался, к тому же с каждым мгновением дыма становилось всё больше и больше. Я начала кашлять. Подбежала к окну и распахнула створки, с жадностью вдыхая свежий холодный воздух.

Похоже, печь придётся затушить. Я открыла дверцу, и на меня пахнуло жаром и гарью. Огонь-то разгорелся, вот только как убрать дым?

Я взяла ведро, наполовину наполненное водой, и плеснула в жерло печи. Внутри зашипело, и дым повалил ещё сильнее. Меня окружило настоящее дымное облако. Я раскашлялась и, зажимая лицо подолом платья, рванула к второму окну.

Распахнув всё настежь, убежала из кухни, плотно закрыв за собой дверь. Оперлась на створку и прижалась к ней спиной.

На душе было муторно.

Мой первый же рабочий день, даже первое утро, обернулось катастрофой. Я ничего не умею. Приготовление завтрака для меня – нечто недостижимое. Мы с Лючиной умрём от голода. А когда придет мсье Милфорд, испуская дух, слабым голосом признаюсь ему, что это я во всём виновата. Попрошу прощения и покину этот мир.

Себя было очень жалко. И мою маленькую воспитанницу тоже. Груз вины в гибели невинного ребёнка давил невыносимой тяжестью.

– Ты почему плачешь? – спросила меня пока живая и здоровая Лючина. – Ой, а чего ты такая чумаза?

Я подняла на неё заплаканные глаза и призналась:

– Мы с тобой умрём от голода.

Потом, чуть успокоившись, рассказала о своей несостоятельности в качестве кухарки и призналась, что до этого никогда не растапливала печь.

Мы дождались, пока кухня проветрится, и зашли внутрь. Запах гари всё ещё держался, но, по крайней мере, дым больше не выедал глаза.

– Ты забыла открыть заслонку, – сообщила мне Лючина, проведя анализ моих ошибок, – поэтому дыму некуда было уходить.

Девочка потянула какую-то металлическую штуковину, глядя на меня так, будто это было что-то элементарное, что знал даже ребёнок.

– Откуда ты это знаешь? – поинтересовалась я.

Лючина смутилась, но ответила.

– Папа часто уезжает, и я топлю печку. Если не топить – холодно.

– А почему у вас нет прислуги, которая должна этим заниматься? – я уже успокоилась, и теперь была решительно настроена докопаться до истины.

Девочка покраснела и отвернулась от меня, мгновенно замкнувшись в себе.

– Ладно, неважно, – тут же пошла я на попятный. – Мы с тобой и сами справимся. Если, конечно, ты мне поможешь.

Последние слова я произнесла заискивающе, давая понять Лючине, что без неё мне не справиться. И это было вовсе не педагогическим ходом, а правдой. Хоть и не очень хотелось себе в этом признаваться.

На Лючину мои слова подействовали воодушевляюще. По крайней мере, она больше не пыталась уйти или отвернуться. Наоборот, охотно объясняла, что и почему нужно делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.